

Methodi *et* Praxis

№ 3-4 (13-14), 2025

ISSN 3034-3313

ИСТОРИК
И ИСТОЧНИК

«METHODI ET PRAEXIS: историк и источник» – рецензируемый электронный научный студенческий журнал

Учредитель журнала:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

Свидетельство о регистрации: серия Эл № ФС77-86688 от 12.01.2024 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Редакционный совет:

Е.В. Барышева, доктор ист. наук, доцент (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
Е.М. Бурова, кандидат ист. наук, доцент (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
В.И. Дурновцев, доктор ист. наук, профессор (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
Н.А. Комочев, кандидат ист. наук, доцент (ИСл РАН, РГГУ, Москва, Российская Федерация),
П.А. Кюнг, кандидат ист. наук (ВНИИДАД, РГГУ, Москва, Российская Федерация),
Е.В. Пчелов, кандидат ист. наук, доцент (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
З.М. Рубинина, кандидат ист. наук (ГИМ, РГГУ, Москва, Российская Федерация),
О.В. Саприкина, кандидат ист. наук, доцент (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
Н.Е. Соничева, кандидат ист. наук, доцент (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
Ф.Г. Тараторкин, кандидат ист. наук (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
В.В. Тихонов, доктор ист. наук (ИРИ РАН, Москва, Российская Федерация),
Т.И. Хорхордина, доктор ист. наук, профессор (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
С.Ю. Шокарев, кандидат ист. наук (РАНХиГС, Москва, Российская Федерация),
С.В. Шпирко, кандидат физ.-мат. и ист. наук (РГГУ, Москва, Российская Федерация),
Ю.Э. Шустова, кандидат ист. наук, доцент (РГГУ, Москва, Российская Федерация)

Редакция:

М.Ю. Борисов, главный редактор,
С.Я. Нисенбаум, заместитель главного редактора,
А.Г. Мирзоян, главный научный редактор,
Ф.А. Белов, научный редактор
В.Д. Разумова, научный редактор
М.А. Родионова, научный редактор

Ответственные за выпуск журнала:

Ф.А. Белов, М.Ю. Борисов, А.Г. Мирзоян, С.Я. Нисенбаум,
В.Д. Разумова, М.А. Родионова

Журнал выходит 4 раза в год

Все опубликованные статьи прошли
процедуру рецензирования

Редакция может не разделять выводы и утверждения
авторов

ВКонтакте: <https://vk.com/methetprax>
e-mail: MethetPrax@yandex.ru

© Авторы, 2025

© METHODI ET PRAEXIS: историк и источник, 2025

Опубликованные материалы распространяются по лицензии
Creative Common | Attribution No Derivatives
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

METHODI ET PRAXIS: historian and source

is a peer-reviewed electronic student academic magazine

Founder and Publisher of the magazine:

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Russian State University for the Humanities» (RSUH)

Certificate of registration: series ЭЛ № ФC77-86688 from 12.01.2024 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, IT and MassMedia (Russia).

Editorial Board:

E.V. Barysheva, Dr. Of Sci. (History), associate professor (RSUH, Moscow, Russia),
E.M. Burova, Cand. Of Sci. (History), associate professor (RSUH, Moscow, Russia),
V.I. Durnovtsev, Dr. Of Sci. (History), professor (RSUH, Moscow, Russia),
N.A. Komochev, Cand. Of Sci. (History), associate professor (ISS RAH, RSUH, Moscow, Russia),
P.A. Kyung, Cand. Of Sci. (History) (VNIIDAD, RSUH, Moscow, Russia),
E.V. Pchelov, Cand. Of Sci. (History), associate professor (RSUH, Moscow, Russia),
Z.M. Rubinina, Cand. Of Sci. (History) (SHM, RSUH, Moscow, Russia),
O.V. Saprikina, Cand. Of Sci. (History), associate professor (RSUH, Moscow, Russia),
N.E. Sonicheva, Cand. Of Sci. (History), associate professor (RSUH, Moscow, Russia),
Ph.G. Taratorkin, Cand. Of Sci. (History) (RSUH, Moscow, Russia),
V.V. Tikhonov, Dr. Of Sci. (History) (IRH RAS, Moscow, Russia),
T.I. Kborbordina, Dr. Of Sci. (History), professor (RSUH, Moscow, Russia),
S.Yu. Shokarev, Cand. Of Sci. (History) (RANEPА, Moscow, Russia),
S.V. Shpirko, Cand. Of Sci. (Physics and Mathematics, History) (RSUH, Moscow, Russia),
Yu.E. Shustova, Cand. Of Sci. (History), associate professor (RSUH, Moscow, Russia)

Edition:

M.Yu. Borisov, Editor-in-Chief,
S.Ya. Nisenbaum, Deputy Editor-in-Chief,
A.G. Mirzoyan, Chief of Scientifics Editors,
F.A. Belov, Scientific Editor,
V.D. Razumova, Scientific Editor,
M.A. Rodionova, Scientific Editor.

Responsible for the issue of the magazine:

F.A. Belov, M.Yu. Borisov, A.G. Mirzoyan, S.Ya. Nisenbaum,
V.D. Razumova, M.A. Rodionova.

The magazine is published 4 times a year

All published articles have been peer-reviewed

The editors may not share the conclusions and statements
of the authors

VK: <https://vk.com/methetprax>

e-mail: MethetPrax@yandex.ru

© Authors, 2025

© METHODI ET PRAXIS: historian and source, 2025

This work is licensed under CC BY 4.0.

To view a copy of this license, visit:
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

СОДЕРЖАНИЕ

6–9 Intro

Исторические исследования

- 10–23 *В.А. Красноперов*
Исторические источники по торговле лекарствами в России XVII в.
- 24–43 *С.Р. Грецкий*
(Не)приличные отношения при галантном дворе Людовика XIV
- 44–55 *Р.М. Галенкин*
История фамилии: Галенковы – Голиковы деревни Войновка

Историографические исследования

- 56–66 *Д.А. Акимцев*
Место исследований А.В. Третьякова в отечественной историографии проблемы влияния института образования на трансформацию крестьянского сословия

Междисциплинарные исследования

- 67–73 *Д.И. Усова*
Потенциал применения метода главных компонентов для выявления стилометрических особенностей журнала «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории»

Археографические исследования

- 74–86 *В.Д. Разумова*
Между троном и верой: дело о возвращающихся из-за границы раскольниках, август 1763 год
- 87–88 Сведения об авторах

CONTENTS

6–9 Intro

Historical studies

10–23 *V.A. Krasnoperov*

Historical sources on the trade in medicines in 17th-century Russia

24–43 *S.R. Grecky*

(In)decent Relationship at the Gallant Court of Louis XIV

44–55 *R.M. Galenkin*

The History of the Family Name: Halienkoŭ (Galenkov) – Golikov from the Village of Voynovka

Historiographical studies

56–66 *D.A. Akimcev*

The Place of A.V. Tretyakov's Research in Russian Historiography on the Influence of the Education Institution on the Transformation of the Peasant Estate

Interdisciplinary studies

67–73 *D.I. Usova*

The Potential of Applying the Principal Component Analysis to Identify Stylometric Features of the Journal "Casus. The Individual and the Unique in History"

Archaeographic studies

74–86 *V.D. Razumova*

Between the Throne and the Taith: the Case of the Old Believers Returning from Abroad, August 1763

87–88 General data about the authors

Intro

Дорогие читатели! Рады представить вам новый номер журнала *«Methodi et praxis: историк и источник»* за 2025 год. Он посвящен памяти одного из крупнейших французских медиевистов – Эмманюэля Ле Руа Ладюри (1929–2023). В 1975 г. была опубликована монография, ставшая самой известной его работой, – *«Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)»*. Этот труд дал мощный импульс для разработки проблем микроистории как в области теории и методологии исследования, так и в сфере практического изучения конкретного исторического материала. Уход из жизни Э. Ле Руа Ладюри 22 ноября 2023 г. вновь актуализировал осмысление и изучение его творческого наследия среди молодых исследователей. Их научные изыскания недавно были представлены на научной конференции *«Возвращение Монтайю: 50 лет спустя»*, прошедшей 24–25 апреля 2025 г. (подробнее о конференции см. ниже текст С.Б. Либинсона). Вместе с нашими друзьями и коллегами – организаторами конференции – мы стремимся посредством печатного слова способствовать актуализации (а возможно, и дать новый толчок развитию!) микроисторических исследований среди молодых ученых.

Рубрику *«Исторические исследования»* в настоящем номере открывает статья В.А. Красноперова, посвященная обзорному анализу источников, связанных с торговлей лекарствами в России XVII в. Автор раскрывает роль Аптекарского приказа как центрального ведомства, занимавшегося обеспечением Государева двора и нужд страны всеми необходимыми лекарствами. В статье С.Р. Грецкого изучены представления о приличии во французском придворном обществе времен Людовика XIV. На основе анализа ряда современных эпохе толковых словарей и сатирического романа графа Роже де Бюсси-Рабютена автор прослеживает эволюцию на протяжении XVII в. образцов идеальных мужских и женских ролей, которым необходимо было соответствовать в «порядочном обществе». В статье Р.М. Галенкина раскрывается происхождение и эволюция в XVIII–XIX вв. фамилии Галенков и ее вариантов на примере одной крестьянской семьи из деревни Войновка Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Применяя ономастический и этимологический анализ, автор определяет диалектное слово, легшее в основу фамилии, его проникновение из восточно-белорусских говоров, изменение в контексте исторического развития региона и последующую русификацию.

Рубрику *«Историографические исследования»* представляет статья Д.А. Акимцева, посвященная анализу некоторых работ А.В. Третьякова в области истории образования как фактора, определившего трансформацию крестьянского сословия во второй половине XIX – начале XX вв. Автором определены основные черты трудов А.В. Третьякова, его методология и исследовательские направления, а также место ученого в отечественной историографии.

Рубрику «*Междисциплинарные исследования*» представляет статья Д.И. Усовой, в которой рассмотрен потенциал применения метода главных компонентов (Principal Component Analysis, PCA) для выявления стилометрических особенностей в текстах альманаха «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории». Дано описание метода, и на конкретных примерах (248 статей, опубликованных в 15 выпусках) продемонстрировано его применение. Работа показала, что на стилометрические характеристики, связанные с предметом исследований, влиял стиль редакторской политики альманаха, что требует для их выявления применения дополнительных методов анализа.

Настоящий номер завершает рубрика «*Археографические исследования*». В ней представлена документальная публикация, подготовленная В.Д. Разумовой. В научный оборот впервые вводится документ 1763 г., содержащий мнение архиереев Русской Православной Церкви об отношении к возвращавшимся из-за рубежа старообрядцам. Публикацию источника предваряет статья, в которой анализируются исторические условия его создания, а также значение и влияние этого документа на дальнейшее формирование государственной политики в отношении старообрядцев.

* * *

Благодаря издательству журнала «Новое литературное обозрение», как ехидно замечает редакция портала *Горький*, отныне каждый уважающий себя читатель исторической литературы (т. е. не только профессиональные потребители исследований по истории и ее инструментарию) знает, что микроистория началась за десятилетие до классических работ К. Гинзбурга, Дж. Леви, Э. Ле Руа Ладюри и С. Черутти¹.

К сожалению, когда мои коллеги, друзья, знакомые и даже простые прохожие (последние – чаще всего вынужденно) во время достаточно продолжительных встреч горячо спорили о достоинствах и недостатках книги Эммануэля Ле Руа Ладюри «*Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)*»² (изданной в 1975 г. на французском, в 1979 г. переведенной на английский, а до широкого читателя в России дошедшей лишь в 2001 г.) мы и не догадывались о том, как далеко могут быть сдвинуты границы микроистории. Поэтому уже с лета 2023 г. появлялись идеи организовать небольшой круглый стол или конференцию, которая будет

¹ Всех семерых казнили в среду // Горький Медиа. URL: <https://gorky.media/fragments/vsex-semeryx-kaznili-v-sredu> (дата обращения: 11.01.2026).

² Критика книги Ладюри не заставила себя ждать. Наиболее важные аргументы можно найти в рецензиях Д. Херлихи, А. Роджерса и С. Стюард: *Herliby D.* Review: «Montaillou»: Cathars and Catholics in a French Village, 1294–1324 by Emmanuel Le Roy Ladurie // *Social History*. Vol. 4. №. 3. 1979. P. 517–520; *Rogers A.* Review: «Montaillou»: Cathars and Catholics in a French Village, 1294–1324 by Emmanuel Le Roy Ladurie // *The Agricultural History Review*. Vol. 27. №. 2. 1979. P. 137–138; *Stuard S.* An Unfortunate Construct: A Comment on Emmanuel Le Roy Ladurie's 'Montaillou' // *Journal of Social History*. № 15 (1). 1981. P. 153–155.

посвящена 50-летию юбилею фундаментального исследования одной небольшой окситанской деревни. Смерть Ладюри 22 ноября 2023 г. лишь упрочила нас в наших устремлениях.

Можно сколько угодно долго расточаться на полностью заслуженные похвалы в адрес «Монтайю», потому как эту книгу очень верно описывают как одно из наиболее оригинальных исследований – не только своим подходом к повседневным заботам и практикам простых крестьян, но и, как бы это странно не звучало, обаятельностью: мало какой читатель не проникся историей пастуха Пьера Мори и того круга проблем, что волнуют его; не возмущался поведением Пьера Клерга, священника, мечтавшего... о многом? Но и список тем, на которые обращает внимание Ладюри, тоже никак не ограничен классическим набором из работ по аграрной или социальной истории³: от структур родства и представлений о времени, позоре, бедности и природы до своеобразной «полевой» практики демографической истории и слухов.

Сам Э. Ле Руа Ладюри не считал себя микроисториком⁴. Однако, книга вдохновила многих⁵ – в том числе и организаторов конференции из числа студентов студенческого научного семинара «Другое Средневековье» и студенческого научного общества Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Когда мы только формулировали информационное письмо и отбирали доклады, нашей целью было выдержать общее содержание конференции в духе исследования Ладюри, попытаться спустя 50 лет дискуссий, переводов и критики «вернуться» в Монтайю. Отсюда и та широта тематического, географического и хронологического охвата докладов – от Германии и Франции высокого Средневековья до Англии накануне Нового Времени и допетровской России – на конференции, прошедшей 24–25 апреля в стенах Шуваловского корпуса МГУ им. М.В. Ломоносова.

К моему сожалению, одного доклада сильнее всего будет не хватать в этом номере: 12 июля 2025 г. не стало моего коллеги и друга Ильи Агафонова, прекрасного историка, интересного лектора и собеседника. Во многом наш общий восторг от Монтайю и ее обитателей вдохновил меня на эту конференцию, во время которой доклад Ильи «Монастырская повседневность в памятниках местного летописания XVI века» был самым чистым и ярким вкладом в общее дело исторической науки. Насколько мне известно, это была его последняя конференция – и наша последняя встреча: после мы обсуждали идею продолжить историко-антропологические и микроисторические «встречи», но судьба распорядилась иначе. Было бы честно признаться сразу: для меня теперь конференция и публикация ее итогов стала не столько памятником великой книги, сколько частью памяти о чудесном друге.

³ Важно помнить, что начинал Э. Ле Руа Ладюри с исследования крестьян Лангедока.

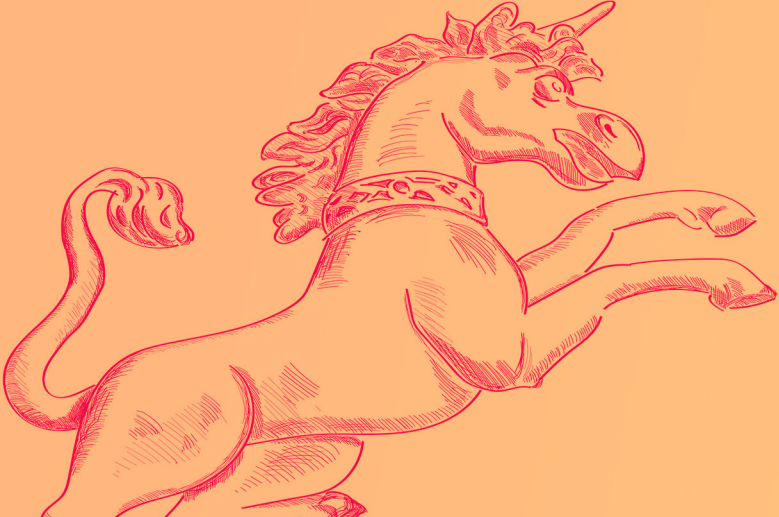
⁴ *Тогова О.И.* Как Эммануэль Ле Руа Ладюри не стал микроисториком // Французский ежегодник. 2024. Т. 57. С. 305.

⁵ Наверное, самое яркое упоминание влияния «Монтайю» приходится на второй том *Истории частной жизни* под редакцией Ж. Дюби и Д. Бартелеми: *История частной жизни. Т. 2: Европа от феодализма до Ренессанса* / пер. с фр. Е. Решетниковой и П. Каштанова. М. 2015. С. 5–13.

Редакция приглашает к подготовке будущих номеров журнала авторов из числа молодых исследователей! Статьи, публикации документов, отчеты о научных конференциях и мероприятиях, сообщения и другие материалы можно присылать по адресу: methetprax@yandex.ru.

*Главный редактор
Максим Борисов*

*Член Оргкомитета конференции
«Возвращение Монтайю: 50 лет спустя»
Семен Либинсон*

УДК 930:929(47)+930.25

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ТОРГОВЛЕ ЛЕКАРСТВАМИ
В РОССИИ XVII в.**

В.А. Красноперов

*Российский государственный гуманитарный
университет (РГГУ), Москва, Россия*

Аннотация: Статья посвящена исследованию исторических источников по торговле лекарствами в России раннего Нового времени. Дана краткая характеристика различным видам источников, содержащих информацию о данном проблемном поле – нормативно-правовым актам, источникам личного происхождения, визуальным источникам и другим. Поднимается вопрос многообразия возможных источников, способных восполнить лакуны в отечественной историографии, их сравнения с зарубежными документами торговых компаний, воспоминаниями докторов, аптекарей и лекарей, судебными делами о преследовании колдунов, зелейщиков и народных целителей. Также поставлен вопрос о глубоком переосмыслении и обобщении тех знаний о русской медицине в раннее Новое время, которое удалось накопить за более чем два столетия изучения этой темы, начиная от самой теории медицины, которая существовала в монастырях, зелейных лавках и Аптекарском приказе и заканчивая медицинской практикой, ее последствиями и связанными с ней предрассудками.

Ключевые слова: источники, архивоведение, торговля лекарствами, Россия XVII в., история медицины, источниковедение, Аптекарский приказ, история фармации

*Поступила в редакцию: 28 июля 2025 г.
Принята к публикации: 29 декабря 2025 г.*

HISTORICAL SOURCES ON THE TRADE IN MEDICINES IN 17th-CENTURY RUSSIA

V.A. Krasnoперov
Russian State University for the Humanities
(RSUH), Moscow, Russia

Abstract: The article examines historical sources on the medicine trade in Early Modern Russia. It briefly describes various sources containing information on this topic—regulatory and legal acts, personal sources, visual sources, and others. It addresses the diversity of possible sources capable of filling gaps in Russian historiography, comparing them with foreign documents of trading companies, the memoirs of doctors, apothecaries, and healers, and court cases involving the persecution of sorcerers, herbalists, and folk healers. It also raises the need for a profound rethinking and generalization of the knowledge about Russian medicine in the Early Modern period accumulated over more than two centuries of study, ranging from the theory of medicine itself, which existed in monasteries, herbal shops, and the Apothecary Prikaz, to medical practice, its consequences, and associated prejudices.

Ключевые слова: historical sources, archival studies, medicine trade, Russia in the 17th century, history of medicine, source study, Apothecary Chancery, history of pharmacy

Received: 28 July 2025

Accepted: 29 December 2025

Источниковое поле истории русской фармации содержит в себе достаточное количество письменных и изобразительных источников для превращения его в «Сад здоровья», о котором писали древние лекари¹. Среди источников, которые находятся в нашем распоряжении, можно выделить документы Аптекарского приказа, который к февралю 1673 г. был преобразован и расширен до двух самостоятельных, но при этом взаимозависимых учреждений: (Старого) Аптекарского приказа и Приказа Новой Аптеки².

Также, несомненно, могут и должны представлять интерес документы основного поставщика зарубежных лекарств и лекарственного сырья к государеву двору – английской Московской торговой компании, которые хранятся в Национальном архиве Великобритании и Британской библиотеке. Данные источники могли бы дополнить картину происходивших событий

¹ Hortus sanitatis. Mainz: Jakob Meydenbach, 23.VI.1491 // НЭБ. Книжные памятники. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/hortus-sanitatis> (дата обращения: 12.11.2025).

² Худин К.С. Документы Аптекарского приказа (1629–1672 гг.) как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. М. 2021. С. 5, 92.

в России того времени – например, неопубликованные инструкции торговой компании небезызвестному купцу и русскому резиденту в Англии Джону (Ивану) Гебдону³ или опубликованные документы о причинах отмены монопольных прав этой компании⁴. Недостаточно изученными на наш взгляд остаются и судебно-следственные дела о преследовании колдунов, зелейщиков и народных целителей, писцовые книги русских городов, с указанием жилых и рабочих площадей, занимаемых русскими фармацевтами, травники, лечебники, указы, регулирующие применение и продажу лекарств, а также личные дневники и мемуары докторов на русской службе и иностранных путешественников, которые имели честь притронуться к этой незаметной, но весьма значимой части русского и общемирового быта.

Необходимо признать, что подавляющей части вещественных источников, связанных с изготовлением, транспортировкой и хранением зелий, пластырей, мазей, масел и других лекарств, попросту не сохранилось. Исключениями можно назвать небольшой «огрызок» в один этаж и три погреба, который остался от палат Аптекарского приказа в Староваганьковском переулке (дом 25/5, строение 19), отреставрированное здание музея Старого Английского двора (бывшая резиденция английской торговой Московской компании) в Москве по адресу ул. Варварка, 4А, да нескольких склянок, чернильниц и черепков, которые до сих пор продолжают находить в Москве и других городах России во время археологических раскопок. Можно еще вспомнить походную аптечку Петра I, хранящуюся в Эрмитаже под инвентарным номером ЭРТх-1389. Другими словами, в основном от самих лекарств нам остались только их упоминания: от «скляничной посуды»⁵, в которой хранились как сами готовые лекарства, так и их компоненты, до складов, аптек и лавок, где эти лекарства стояли и продавались, до дворов и садов, где они выращивались и производились, и палат, в которых велся их строжайший учет. Однако ныне ничего из этого найдено не было и вряд ли уже будет. Многие изменилось за последние четыре сотни лет, но некоторые лекарственные травы, корни, ягоды и деревья продолжают занимать те же пространства нашей земли, что и в столь близком нам XVII в. Возможно, в будущем, этот список пополнится новыми источниками.

Изобразительные источники, не слишком многочисленные, но не менее ценные, сохранились в фонде Приказа Тайных дел РГАДА (Ф. 27). К ним можно отнести чертежи Аптекарского двора и сада, и прилегающих к ним территорий⁶. К конвенционным источникам необходимо отнести и изображения фасада здания Аптекарского двора в Староваганьковском переулке, о котором уже

³ Folio 210: Instructions from Muscovy Company to John Hebdon // The National Archives. URL: <https://beta.nationalarchives.gov.uk/catalogue/id/C6719370/> (дата обращения: 12.11.2025).

⁴ Reasons for the Suppressing of the Monopolizing Patent Granted to the Moscovia Companie of Merchants. 1621 // Internet Archive. URL: https://archive.org/details/bim_early-english-books-1475-1640_reasons-for-the-suppress_muscovia-company_1621 (дата обращения 12.11.2025).

⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 143. Оп. 1. Д. 160. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 296. Л. 18; Д. 484. Ч. 1. № 17. Л. 1, № 23. Л. 2, № 46 Л. 2; Ч. 4. № 54. Л. 1.

говорилось ранее. Эти источники содержат уникальные сведения о том, где и что располагалось на территории Аптекарского двора, а также примерного внешнего вида архитектуры тех лет.

Письменные источники по торговле лекарственными препаратами в Русском государстве XVII в. представлены обширным спектром документации, специализированных книг и источников личного происхождения. Важнейшими и самыми обширными по количеству дел (2513 ед. хранения только в фонде 143 (Аптекарский приказ) в РГАДА) источниками по торговле, производству и применению лекарств для нас остаются документы Аптекарского приказа, среди которых первым был указ о присылке патоки в Аптекарский приказ от 9 сентября 1629 г.⁷

Нельзя не упомянуть, что известные нам хронологические рамки деятельности Аптекарского приказа были расширены найденными Г.В. Жариновым в фонде РГАДА № 210 (Разрядный приказ) записями о расходе лекарственных средств на лечение царского ловчего И.М. Пушкина (19 сентября 1581 г.) и (17 ноября того же года) царевича Ивана Ивановича доктором Иоганном Эйлофом⁸ за два месяца до приезда в Москву первого царского аптекаря англичанина Джеймса Френшема, состоявшегося 25 ноября 1581 г. и, как считалось ранее, основания им первой московской аптеки с собственной лабораторией⁹. Однако, теперь мы имеем основания полагать, что эта аптека могла функционировать ранее, также, как и сам Аптекарский приказ.

Часть лекарственных средств для спокойного расположения на новом месте и удобства работы (168 различных наименований лекарств, растительного и прочего сырья, вроде «прямой армянской глины», для изготовления лекарств и медицинской посуды) была привезена первым аптекарем Дж. Френшемом со своей родины Англии для обустройства лаборатории и аптеки¹⁰. В дальнейшем это станет вполне распространенной практикой. Следующие доктора также будут приезжать на работу в Россию со своими инструментами, посудой и препаратами. Это отразится во многих отчетах архангельских и других воевод, испрашивающих разрешения на пропуск этих докторов дальше в Москву¹¹, указах дьякам Аптекарского и других приказов¹², делам по челобитным о выдаче проезжих грамот¹³, подвод для привезенных из-за границ лекарств¹⁴, памятей о зачислении новых лекарей и аптекарей на довольствие праздничными столами¹⁵. Делопроизводственные источники по торговле лекарствами не ограничиваются

⁷ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

⁸ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 283. Л. 252; Д. 547. Л. 73–75; Оп. 20. Д. 229. Л. 27, 33об., 36об., 40об.

⁹ Жаринов Г.В. Записи о расходе лекарственных средств (1581–1582 гг.) // Архив Русской Истории: журнал. 1994. № 4. С. 110–111.

¹⁰ Рихтер В.М. История медицины в России. В 3-х тт. М. 1814. Т. 1. С. 436.

¹¹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 31. Л. 1; Д. 57. Л. 3; Д. 62. Л. 1.

¹² Там же. Д. 63. Л. 2.

¹³ Там же. Д. 79. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 82. Л. 3.

¹⁵ Там же. Д. 84а. Л. 1.

только делами Аптекарского приказа, но выходят далеко за его пределы и захватывают документы также и Московской английской торговой компании¹⁶, и некоторых других приказов, занимающихся преследованием разного рода «колдунов» и расследованием дел о неправильном лечении, приведшим к смерти. Как известно, некоторые зелейщики сотрудничали с монастырями и обустроивали свои лавки и дворы в пределах монастырских дворов, которые, в отличие от крестьянских и простых посадских сельскохозяйственных угодий, могли себе позволить выращивание разных лекарственных культур, которые применяли и изучали в своих лечебниках и лечебницах¹⁷.

К числу первых и часто потом повторяющихся медикаментов, привезенных в 1580 г. Дж. Френчемом, относились уже тогда получивший распространение в европейской медицинской культуре сассафрас (лекарственное растение, произрастающее в восточной части Северной Америки), а также привычные ячмень, алоэ, ревень, опиум, цветы розмарина, шалфей и другие препараты, отложившиеся в отдельном списке привезенных лекарств¹⁸. На протяжении всего XVII в. эти компоненты и лекарства будут встречаться уже в других росписях лекарств¹⁹, рецептах²⁰ и записях об их отпуске пациентам²¹. Такие привозные медикаменты в XVI–XVII вв. в Русском государстве хранились на специальных складах, подконтрольных воеводам, и на торговых английских и голландских дворах, расположенных по всей европейской территории России, о чем доподлинно известно из отписок воевод и черновых царских грамот в эти города, в которых предоставлялись отчеты о принятии и направлении этих лекарств в Москву в Аптекарский приказ или далее в действующие царские полки²².

Аптекарский приказ вел всю документацию русской скорописью XVII в. на бумаге, которую либо покупали в Овощном торговом ряду в Москве, как сообщает приходная книга Аптекарского приказа за 1650/1651 г.²³, либо за границей, в частности в Гамбурге, как сообщает «Роспись лекарств, привезенных из Гамбурга доктором Венделинусом Сибилистом» за январь 1645 г.²⁴. При необходимости бумага могла быть разрезана вдоль для достижения нужной ширины. Так, если рецепты Аптекарского приказа могли быть в ширину 6,5–7,5 см²⁵, то памяти дьякам приказов и отписки воевод по своему обыкновению достигают

¹⁶ Craik G.L. The History of British commerce. London. 1844. Vol. 2. P. 12–13, 152–154.

¹⁷ Гор. Суздаль в 7136–7138 (1628–1630) гг.: Город Суздаль в семь тысяч сто тридцать шестом – семь тысяч сто тридцать восьмом (1628–1630) гг.: Список с Писцовой книги г. Суздаля. Владимир на Клязьме. 1905. С. 4.

¹⁸ Рихтер В.М. История медицины в России. В 3-х тт. М. 1814. Т. 1. С. 432–440.

¹⁹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 876. Л. 1; Д. 879. Л. 2; Д. 881. Л. 1.

²⁰ Там же. Д. 877. Л. 1; Д. 875. Л. 2; Д. 1107. Л. 1.

²¹ Там же. Д. 885. Л. 2; Д. 898. Л. 1; Д. 956. Л. 2.

²² Там же. Оп. 1. Д. 63. Л. 1; Оп. 2. Д. 130. Л. 2; Д. 136. Л. 2.

²³ Худин К.С. Документы Аптекарского приказа (1629–1672 гг.) как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. М. 2021. С. 176.

²⁴ Там же. С. 167, 170.

²⁵ Там же. С. 124.

в ширину 20–30 см²⁶. Вся документация велась от имени царя и на его высочайшее имя от его холопов и с его высочайшего дозволения (если оно требовалось).

Независимость Аптекарского приказа приводила к тому, что лишь изредка во внутренние дела приказа вносились корректировки со стороны других приказов – в основном это касалось судебных разбирательств при обвинении лекарей и аптекарей, например, в случаях неправильного лечения или связанных с самовольным захватом дворов и территорий в Немецкой слободе²⁷. В остальных случаях служащие Аптекарского приказа чаще сами требовали от других приказов деньги на выдачу жалованья²⁸, подводы для перевозки лекарств и работников²⁹, лошадей для травников³⁰, людей для сбора лекарственного сырья³¹ и других работ³², а также проезжих³³ и жалованных грамот³⁴. Финансирование Аптекарского приказа шло преимущественно из трех основных источников: первый и наиболее очевидный – из государевой казны, а именно из тех приказов, что были ответственны за выдачу жалования³⁵, и средств, которые могли понадобиться в дороге докторам, аптекарям и другим служащим Аптекарского приказа. Второй – доходы от приписанных к нему, Аптекарскому приказу, деревень. Третий – доходы от продажи лекарственных средств боярам и служилым людям, а с 1673 г., после открытия Новой аптеки, и всем желающим. Деньги могли тратиться на закупку лекарств и сырья за границей, на выдачу жалованья обширному штату Аптекарского приказа, включая лекарских учеников и пр., на прощальные подарки покидающим Россию докторам и аптекарям, на работу и постройку государевых аптек или на покупку каких-либо редких и дорогих диковинок, вроде рога единорога (нарвала), и их последующую доставку в Москву³⁶.

Пожалуй, самой важной и обширной статьей расходов в работе Аптекарского приказа, наряду с ежемесячной выдачей жалованья³⁷, была именно закупка и подготовка провианта, сырья и медикаментов, которые требовались государеву двору ежедневно, ведь медикаментами считались не только средства, которые непосредственно противостоят болезни, но и имеющие профилактическое действие. Аптекарский приказ при Алексее Михайловиче ведал, по мнению Рихтера, сбором с разных концов Русского государства многих отечественных лекарственных веществ, среди которых ревеня, поставляемый от болгар, «долгое

²⁶ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 106 л. 2; Д. 496. л. 3; Д. 497. л. 1.

²⁷ Там же. Д. 1115. л. 3.

²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 92. л. 1; Д. 97а. л. 2.

²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 334. л. 1; Д. 368. л. 1; Д. 380. л. 2.

³⁰ Там же. Оп. 1. Д. 102. л. 3.

³¹ Там же. Оп. 3. Д. 59. л. 2; Д. 74. л. 1; Д. 98. л. 4.

³² Там же. Оп. 1. Д. 92. л. 1; Д. 99. л. 3; Оп. 3. Д. 16. л. 2; Д. 26. л. 1.

³³ Там же. Оп. 2. Д. 368. л. 4; Д. 402. л. 1.

³⁴ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 309. л. 2.

³⁵ Худин К.С. Документы Аптекарского приказа (1629–1672 гг.) как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук. М. 2021. С. 45–46.

³⁶ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 134. л. 1.

³⁷ Худин К.С. Указ. соч. С. 52–53.

время продавался исключительно от Короны»³⁸. Сырье для производства лекарств, как например, анис и ревеня, находились в ведении Сибирского и других приказов и часто, как и прочие товары, становились предметом незаконных манипуляций, за которыми следовали суровые наказания в том числе смертная казнь³⁹.

В своей диссертации, посвященной проведению источниковедческой характеристики документов Аптекарского приказа, К.С. Худин уделяет большое внимание торговым связям Аптекарского приказа и его влиянию в деле развития аптечной торговли в России⁴⁰. Если до Аптекарского приказа никаких стандартов качества медикаментов или сырья для его изготовления не было ни в монастырских лечебницах, ни у купцов, ни в зеленых лавках, знахарстве или травничестве, то в результате его деятельности изменилось само представление о торговле лекарствами: все торговые операции, связанные с купле-продажей медикаментов в городах, перешли в полную монополию царского двора, появились первые аптеки, находящиеся в ведении и подчинении государства. Чиновники регулярно должны были проводить проверки этих аптек, хоть их хозяевам и были даны жалованные грамоты, дающие им право на торговлю лекарствами.

Также необходимо отметить следующее. Как пишет М.Б. Мирский⁴¹, Аптекарский приказ, по указам царя Алексея Михайловича и его наследников, отправлял в войска иностранных медиков с лекарствами, что дает нам возможность предположить их продажу в частные руки или воровство с последующей продажей.

Документы Аптекарского приказа, в целом, позволяют узнать больше о быте, ссорах и преступлениях, случавшихся с его служащими, так как приказные судьи Аптекарского приказа сами рассматривали челобитные, которые подавали его подчиненные (доктора, лекари, аптекари и ученики). Одним из таких случаев является нападение на семью доктора Венделинуса Сибелиста, которое произошло 25 декабря 1644 г. Сам доктор незадолго до этого вернулся на службу в Россию после двухлетнего путешествия по Европе, во время которого он исполнял обязанности царского информатора и дипломатического агента. Нападавшим, по его словам, был напившийся приезжий торговый немец Иван (Иоганн) Госсен, который обесчестил его жену и дочь, и в дополнение еще и его самого⁴². Этот неожиданный удар, а также кончина царя Михаила Федоровича в следующем 1645 г. и последовавшая за этим неприязнь к иностранным лекарям, вынудили доктора Венделинуса Сибелиста вернуться к себе на родину и искать счастья в карьере уже в европейских городах, при дворах немецких и шведских правителей.

³⁸ Рихтер В.М. История медицины в России. В 3-х тт. М. 1814. Т. 1. С. 323–325.

³⁹ Меньшикова М. Между Востоком и Западом: к истории китайской коллекции Петра I // Петр. Первый. Коллекционер, исследователь, художник. М. 2019. С. 204–206.

⁴⁰ Худин К.С. Указ. соч. С. 4, 18, 46.

⁴¹ Мирский М.Б. Очерки истории медицины в России XVI–XVIII вв. Владикавказ. 1995. С. 51–54.

⁴² РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 155. Л. 3.

Не менее интересными видятся документы, касающиеся ветеринарных представлений в России XVII в. Все в том же 1645 г. 13 февраля, во время сильных морозов, было подано письменное требование («память») из Конюшенного приказа в Аптекарский, по которому необходимо было срочно отправить государевым лошадям на лечение «попилева» (попилемового) масла и неустановленный препарат «di altei»⁴³, под которым могла подразумеваться мазь диалтея, в состав которой входили масло деревянное, воск, желтая смола и лекарственная трава алтей⁴⁴.

После открытия Новой московской аптеки многие лекарства продолжали приобретаться москвичами и гостями столицы на местных рынках по традиции и из-за более низких цен. Возможно, из-за первоначального отсутствия спроса, или по какой-либо другой причине, в Новой аптеке стали отмечаться хищения медикаментов, которые сбывались потом владельцам лавок. В 1673 г. 28 февраля был издан указ⁴⁵, частично ограждающий Новую аптеку от конкуренции со стороны зелейных лавок в Москве. Его суть заключалась в запрете московским зелейным и москательным лавкам продавать лекарства, которые уже продаются в царских аптеках. За пределами Москвы государева аптека была открыта только в одном городе – Вологде, и произошло это событие тем же указом 28 февраля 1673 г.⁴⁶ Причиной издания такого указа было хищение некоторых лекарств из государственной аптеки с целью дальнейшей перепродажи их в зелейных и москательных лавках. Последствиями данного указа стали обеспечение рентабельности и повышение авторитета Новой аптеки, повышение доходов казны, так как за счет торговли лекарствами (и алкоголем, с которым его следовало принимать) аптека за полгода могла получать одной только чистой прибылью 5194 рубля⁴⁷.

Среди очевидных функций Аптекарского приказа, таких как изготовление, хранение, использование и продажа лекарств, сокрыты несколько иные его функции. К примеру царские аптекари обязаны были каждодневно поставлять к столу царского двора полезные для здоровья продукты, а также сладости⁴⁸. Дворцовые иноземные травники собирали свое сырье не только на «обтекарских огородах», но и отправлялись в дальние конные экспедиции по указам приказных дячков, которые посылали регулярные «памяти» (требования) в другие дворцовые ведомства с просьбами отдать травникам хороших коней и отпустить их на сбор лекарственных ягод, корней и прочего⁴⁹. Приказные доктора обязаны были проводить различные экспертизы и освидетельствования больных в среде родственников царя, стрельцов, бояр, дворян, тех, кто в своей судебной тяжбе имел

⁴³ РГАДА. Д. 162. Л. 2.

⁴⁴ Худин К.С. Указ. соч. С. 159.

⁴⁵ Мирский М.Б. Указ. соч. С. 48–49.

⁴⁶ Там же. С. 48–49.

⁴⁷ Соколовский М.К. Характер и значение деятельности Аптекарского приказа. СПб. 1904. С. 6.

⁴⁸ Худин К.С. Указ. соч. С. 183.

⁴⁹ Материалы для истории медицины в России. Дела Аптекарского приказа с 1629 по 1682 гг.: в 4 вып. / под ред. Н.Е. Мамонова. СПб., 1884. Вып. IV: 1675–1682 гг. С. 889–891.

возможность обратиться к государю и, конечно, тех, кто подозревался в контактах с «морovým поветрием» – чумой. Эти, и многие другие, истории болезней, оставшиеся в нашей истории в формате многочисленных «дохтурских сказок»⁵⁰, могут поведать нам много ярких деталей, которых так не хватает не столь далекому от нас XVII в.

К сожалению для всей исторической науки, далеко не все документы и источники по данному вопросу сумели дожить до наших дней, что является, пожалуй, ключевой проблемой истории российской медицины. В русских архивах (как столичных, так и областных) было найдено ничтожно малое количество интересующих нас таможенных документов, жизненно важных для изучения собственно международной торговли аптекарскими препаратами. Так, например, в наших реалиях не существует ни одной, датируемой XVII в., таможенной книги крупного торгового города Архангельска, хотя именно через этот город проходило больше всего английских докторов⁵¹ и купцов со своими лекарствами⁵². По этим причинам исследователь оказывается заключен в рамки Аптекарского приказа, который предлагает огромное количество источников для изучения, но при этом всё равно не может дать нам полной картины прошлого. И хотя Аптекарский приказ является связующим звеном всей официальной государственной медицины, он не был изучен полностью: долгое время вниманием со стороны историков оказались обделены сами лекарства, их стоимость и пути их поступления, а также культурные связи между Россией и Европой. Делопроизводственные документы приказа свидетельствуют о количестве и наименованиях лекарств, используемых во время лечения приказными врачами болезней и увечий при государевом дворе.

В этом же корпусе документов сохранилась информация о внутреннем российском рынке лекарств и лекарей, ведь, как достоверно известно, по крайней мере, с 1630-х гг. Аптекарский приказ уже снабжал полки врачами и лекарствами⁵³, а с 1673 г., в результате структурной приказной реформы, постройки и открытия Новой аптеки, содержал большую аптеку для продажи лекарств всем желающим жителям и гостям столицы. Служащие Аптекарского приказа и двора, по оставшимся в документации сведениям, весьма часто делали покупки недостающего сырья на местном московском рынке на всем протяжении XVII в., приходили они туда не только в поисках регулярных приказных расходников, какими были свечи, бумага, чернила, но и за необходимыми компонентами и стеклянной посудой для опытов⁵⁴. Но и этого зачастую оказывалось мало, и необходимые травы или ягоды могли быть куплены по распоряжению приказа в других крупных торговых городах, как, например, вишневые ягоды

⁵⁰ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 875. Л. 2; Д. 877. Л. 1; Д. 898. Л. 1; Д. 956. Л. 2; Д. 1107. Л. 2.

⁵¹ Материалы для истории медицины в России. Дела Аптекарского приказа с 1629 по 1682 гг.: в 4 вып. / под ред. Н.Е. Мамонова. СПб. 1884. Вып. IV: 1675–1682 гг. С. 866–868.

⁵² Griffin C. Mixing medicines: the global drug trade and early modern Russia. Montreal. 2022. P. 76.

⁵³ Худин К.С. Указ. соч. С. 113.

⁵⁴ Там же. С. 175–176.

из Владимира⁵⁵. Как уже известно из прочих документов фонда Аптекарского приказа РГАДА, таких закупок на внутренних рынках было явно недостаточно даже в конце XVII в., и они были призваны скорее упростить и сократить необходимые траты на закупки прочих медикаментов за границей, которые оставались хоть и далеко не самыми надежными, но наиболее важными для работы приказа.

Как становится очевидно, из-за больших проблем с логистикой и климатом одни и те же корабли английской Московской торговой компании использовались для поставок в Россию товаров, лекарств, сырья, дипломатов и специалистов, которые прибывали в Архангельск в весенне-летний период, когда таяли льды Белого моря, сковывающие порт в наиболее холодную половину года. До наступления мая-июня английским торговцам и специалистам требовалось пройти долгий и довольно непростой путь через прибрежные воды Норвегии. После прибытия английские купцы и специалисты оставались в Архангельске и его окрестностях до тех пор, пока не произойдет полный обмен товаров и не будет получено разрешение из Москвы на дальнейшее перемещение по стране (воеводы посылали об этом в Москву запрос, а потом еще несколько месяцев ждали ответа). До этого момента все товары, особенно лекарственные средства, находились на складах этого города и могли простоять там до 5 месяцев, а корабли как можно скорее возвращались на родину, пока бухту не сковали метровые льды на ближайшие полгода. Поставки очень сильно зависели от грузоподъемности судов, климата и времени, которое он оставляет на путь, отсутствия на пути сильных штормов (из-за которых первая экспедиция англичан к берегам России под руководством Хью Уиллоуби потеряла два корабля, включая флагман и команды этих кораблей) и политической ситуации. Так, царю Алексею Михайловичу, во время Английской революции, после казни короля Карла I, было выгодно и угодно выслать из страны всех английских купцов и торговых людей, торговля которых наносила ущерб развивающейся российской экономике, и заметно ограничить их привилегии, которые им были выданы еще при Иване IV⁵⁶. Все это наводит нас на мысль, что такие поставки не могли быть единственными, о чем свидетельствуют многочисленные росписи, памяти и отписки фонда Аптекарского приказа о прибытии или отправлении торговых караванов, которые занимались закупками лекарственных препаратов и прочих товаров в Европе⁵⁷. И хотя доктора и аптекари Аптекарского приказа в большинстве своем происходили родом из немецких земель, Англии, Нидерландов, их познания о лекарственных растениях и снадобьях консолидировали всю имеющуюся информацию о мире, которую европейские ученые собирали сотни лет путем великих географических открытий. Эти знания находили непосредственное отражение в списках широко используемых средств при изготовлении лекарств в стенах Аптекарского двора,

⁵⁵ Худин К.С. Указ. соч.. С. 177.

⁵⁶ Мирский М.Б. Указ. соч. С. 59.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 160. Л. 1; Оп. 2. Д. 62. Л. 2; Д. 116. Л. 1; Д. 120. Л. 3.

где можно было встретить травы и корни из Индии и Китая, из Северной и Южной Америки. Разумеется, такие препараты (если только они не были специально куплены в стране произрастания) могли быть привезены только из крупных центров международной торговли, таких как Амстердам, Гамбург или Лондон, где у английских аптекарей, работавших в Москве, уже были свои знакомые поставщики разного лекарственного сырья. В этих же торговых центрах приобретались и другие диковинные и новейшие для русской элиты товары, такие как специи, новые продукты и травы из Америки и животные⁵⁸.

Среди монастырских и частных письменных медицинских произведений особо выделяются народные сборники по лекарствоведению, известные под названием «вертограды». «Вертоград» (в пер. сад или цветник) – первая настоящая медицинская энциклопедия России времен позднего средневековья и раннего Нового времени, основным содержанием которой была непреходящая по своей популярности и пользе лекарственная ботаника. Изначально вертограды, как и их более ранние предшественники – физиологи, были переводами с греческого или латыни разных медицинских рукописей, имевших распространение на западе и в православных храмах и монастырях на осколках бывшей Восточной Римской империи. Выдающимся событием XVI в. явился перевод с латыни книги «*Hortus sanitatis*» («Вертоград здоровья»), осуществленный в 1534 г. немецким врачом Николаем Булевым (Люевым). В книге подробно описывались разнообразные лекарственные растения и корни, препараты животного и минерального происхождения и их производные. Перевод содержал особые главы о моче, о пульсе и лихорадке; советы, как вести себя здоровому при моровых поветриях⁵⁹.

В 1672 г. на Руси появилась еще одна книга – «Прохладный Вертоград». Это уникальный труд по истории лекарствоведения, в котором содержится обширный фактический материал, рассматриваются причины, вызывающие заболевания, обобщается многовековой опыт народной медицины по оказанию помощи больным и пострадавшим. «Вертоград» состоял из 340 глав⁶⁰.

В 1664 г. английский врач Сэмюэл Коллинз, приглашенный в 1659 г. Джоном Гебдоном на работу в Аптекарский приказ, начал писать на латыни небольшой трактат о современном состоянии европейской медицины, новейших на тот момент дискуссиях и методах лечения. Трактат этот был необходим для подготовки в лекарской школе, подчиненной Аптекарскому приказу, отечественных русских специалистов в области медицины⁶¹. Коллинз, один из многих западноевропейских дипломированных докторов медицины, был жизненно важен для Аптекарского приказа, занимал главенствующее положение по отношению ко всем прочим лекарям и аптекарям. Поэтому именно он писал такие тексты

⁵⁸ *Griffin C. Mixing medicines: the global drug trade and early modern Russia. Montreal. 2022. P. 79.*

⁵⁹ *Новомбергский Н.Я. Народная медицина в Московском государстве. СПб. 1904. С. 45–49.*

⁶⁰ Там же. С. 50–51.

⁶¹ *Мирский М.Б. Указ. соч. С. 65.*

по заказу русских администраторов, которые желали разобраться в происходящих в Европе открытиях в области медицины и обучить как можно больше русских лекарей для отправки их на службу в полки. После того как доктор С. Коллинз или кто-то из его коллег писал текст на латыни, его тут же по мере возможности переводили на русский язык, намного более пригодный для восприятия российской элитой и русскими лекарями (учениками). В таких текстах речь шла о глобальной *materia medica* (медицинской культуре), рассказанной через стереотипы о народах, их лечебных традициях и медицинских практиках раннего Нового времени⁶².

С. Коллинз утверждал, что говорил с одним человеком, бывшим в Китае и торговавшим с китайцами, который привез из своего путешествия чай и бадьян, который Коллинз верно идентифицировал как *Anisum Indicum Stellatum*, чай же, как отметил доктор, пьется самими китайцами с сахаром и помогает при болезни легких и желудочном расстройстве⁶³. Однако, эти связи со странами Востока не привели к значительному присутствию выходцев из этих империй при русском дворе, ведь сказывалось расстояние и недоверие к чужеземцам в самом Китае. В противовес этому значительное количество времени, денег, даров, привилегий и усилий со стороны русских царей было вложено в развитие торговых и политических связей с западноевропейскими державами. В частности, отношения с Русским государством активно поддерживали три региона: Англия, немецкие княжества и Нидерланды. Религия в этот раз не стала непреодолимым препятствием на пути установления дипломатических, торговых и культурных контактов между Россией, Англией и Голландией⁶⁴.

Не только английские врачи оставляли о русской земле свои заметки, воспоминания и целые книги. Доктор медицины греческого происхождения Лев Личифинус, находившийся на русской службе в период с 1656 г. по 1669 г., оставил после себя рабочий дневник, в котором оставлены его рассуждения и описания некоторых проводимых им опытов. Представляют немалый интерес письма другого доктора Андрея Энгельгардта, которые он составлял для царя Алексея Михайловича. В них доктор, а по совместительству личный астролог государя, составлял астрологические прогнозы и предсказания для русского царя, а также отвечал на личные вопросы государя, которые остро его интересовали, например, вопрос о том, что представляет собой комета и что ее появление на чистом и мирном небе может означать для мира и страны⁶⁵.

В российских медицинских записях раннего Нового времени есть как заметные случаи высокой сохранности, так и проблемные отсутствия. В частности, для XVII в., иногда есть ежедневные отчеты о конкретных лекарствах, прописанных царю, своего рода подробные записи об элитных аптеках, которые редко сохранялись даже в других местах. Также есть списки

⁶² Griffin C. *Mixing medicines: the global drug trade and early modern Russia*. Montreal. 2022. P. 33.

⁶³ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М. 1846. С. 25.

⁶⁴ Griffin C. *Op. cit.* 2022. P. 71.

⁶⁵ Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М. 1994. С. 198.

ввоза, описи из придворного медицинского отдела, отчеты разного рода и ряд аптечных текстов. Чего часто не хватает, так это пояснительных документов. В случае большинства рецептов нам сообщают имя пациента, имя лечащего врача и/или аптекаря, создающего лекарство, и список ингредиентов. Было найдено немного записей о заболевании, которое лечили, всё чаще о беспокоящих пациентов ранах или симптомах, но не о самой болезни, которую могли диагностировать доктора. Часто нет упоминаний о медицинской теории, лежащей в основе диагностики и лечения. Наиболее наглядным моментом, вытекающим из этих документов, являются материалы аптечной практики. Однако, материалов, которые были уже найдены и, возможно, найдутся в будущем будет достаточно, чтобы заинтересовать историков коммерции и фармации, быта и многих других областей исторического знания, а нахождение их в качестве обложек для более поздних документов в других фондах, не связанных с медициной, дает повод задуматься о более бережном отношении ко всем составляющим архивных документов и более тщательном поиске уникальной информации в самых непредвиденных и нетривиальных местах нашей планеты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гор. Суздаль в 7136–7138 (1628–1630) гг.: Город Суздаль в семь тысяч сто тридцать шестом – семь тысяч сто тридцать восьмом (1628–1630) гг.: Список с Писцовой книги г. Суздаля. – Владимир на Клязьме: Владимир. учен. арх. комис., 1905. – 87 с.
2. *Жаринов Г.В.* Записи о расходе лекарственных средств (1581–1582 гг.) / Г.В. Жаринов // Архив Русской Истории. – 1994. – № 4. – С. 110–122.
3. *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне / С. Коллинс; пер. с англ., П. Киреевский. – М.: Унив. тип., 1846. – 47 с.
4. Материалы для истории медицины в России. Дела Аптекарского приказа с 1629 по 1682 гг.: в 4 вып. / под ред. Н.Е. Мамонова. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1885. – Вып. IV: 1675–1682 гг. – 1304 с.
5. *Меньшикова М.А.* Между Востоком и Западом: к истории китайской коллекции Петра I / М.А. Меньшикова // Петр. Первый. Коллекционер, исследователь, художник. – Москва: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2019. – С. 200–211.
6. *Мирский М.Б.* Очерки истории медицины в России XVI–XVIII вв. / М.Б. Мирский. – Владикавказ: изд. агентство Госкомиздата РСО-А, 1995. – 170 с.
7. *Новомбергский Н.Я.* Материалы по истории медицины в России / Н.Я. Новомбергский. – СПб.: Тип. Альтшулера, 1905. – Т. 1.– XXII, 191 с.
8. *Новомбергский Н.Я.* Народная медицина в Московском государстве / Н.Я. Новомбергский. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1904. – 211 с.
9. *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма: Науч. наследие / А.А. Новосельский. – Москва: Наука, 1994. – 222 с.

10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 27 (Приказ тайных дел). Оп. 1. Д. 296; Д. 484. Ч. 1. № 17, № 23, № 46, Л. 2; Ч. 4. № 54.
11. РГАДА. Ф. 143 (Аптекарский приказ). Оп. 1. Д. 16; Д. 31; Д. 57; Д. 62; Д. 63; Д. 79; Д. 82; Д. 84а; Д. 92; Д. 97а; Д. 99; Д. 102; Д. 155; Д. 160; Д. 162; Оп. 2. Д. 62; Д. 106; Д. 116; Д. 120; Д. 130; Д. 134; Д. 136; Д. 334; Д. 368; Д. 380; Д. 402; Д. 496; Д. 497; Д. 875; Д. 876; Д. 877; Д. 879; Д. 881; Д. 885; Д. 898; Д. 956; Д. 1107; Д. 1115; Оп. 3. Д. 16; Д. 26; Д. 59; Д. 74; Д. 98; Д. 309.
12. РГАДА. Ф. 210. (Разряд XXVII. Приказ тайных дел, г. Москва (из фондов Государственного архива Российской империи)). Оп. 13. Д. 283; Д. 547; Оп. 20. Д. 229.
13. *Рихтер В.М.* История медицины в России. В 3-х тт. / В.М. Рихтер. – М.: тип. Московского ун-та, 1814. – Т. 1. – 466 с.
14. *Соколовский М.К.* Характер и значение деятельности Аптекарского приказа / М.К. Соколовский. – СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1904. – 32 с.
15. *Худин К.С.* Документы Аптекарского приказа (1629–1672 гг.) как исторический источник: специальность 07.00.09 «Историография, источниковедение, методы исторического исследования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Худин Кирилл Станиславович; ИВИ РАН. – Москва, 2021. – 280 с.
16. *Craik G.L.* The History of British commerce / G.L. Craik. – London: Charles Knight & Co, 1844. – Vol. 2. – 706 p.
17. Folio 210: Instructions from Muscovy Company to John Hebdon [Электронный ресурс] // The National Archives. URL: <https://beta.nationalarchives.gov.uk/catalogue/id/C6719370/> (дата обращения: 12.11.2025).
18. *Griffin C.* Mixing medicines: the global drug trade and early modern Russia / C. Griffin. – Montreal: McGill-Queen's university press. – 2022. – 235 p.
19. Hortus sanitatis. Mainz: Jakob Meydenbach, 23.VI.1491 [Электронный ресурс] // НЭБ. Книжные памятники. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/hortus-sanitatis> (дата обращения: 12.11.2025)
20. Reasons for the Suppressing of the Monopolizing Patent Granted to the Moscovia Companie of Merchants. 1621 [Электронный ресурс] // Internet Archive. URL: https://archive.org/details/bim_early-english-books-1475-1640_reasons-for-the-suppress_muscovia-company_1621 (дата обращения: 12.11.2025).

УДК 94(41/99):821.133.1

(НЕ)ПРИЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ ГАЛАНТНОМ ДВОРЕ ЛЮДОВИКА XIV

С.Р. Грецкий

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Россия*

Аннотация. Статья посвящена представлениям о приличии в придворном французском обществе времен Людовика XIV. В первой ее части, публикуемой в данном номере, автор с опорой на современные эпохе толковые словари выявляет, что в середине XVII в. под приличием подразумевалось соответствие установленным стандартам, и прослеживает, как это понимание влияло на стратегии поведения. Также он рассматривает образы идеальных мужских и женских ролевых моделей, коим надлежало соответствовать представителю «порядочного общества», их эволюцию на протяжении XVII в. (все же посчитал нужным оставить хронологическую рамку) от «порядочного человека» к «человеку галантному» и присущие им черты облика и характера. Основной акцент при этом сделан на том, каким образом члены высшего общества должны были выстраивать взаимоотношения внутри семьи так, чтобы их действия были сочтены приличными (то есть соответствующими ожидаемому со стороны общественного мнения) и не порочащими их честь. Кроме того, взяв сатирический роман графа Роже де Бюсси-Рабютена в качестве основного ресурса для иллюстрации того, как теоретические представления о приличии воплощались на практике, автор вводит в историографический оборот данный сатирический роман как ценный источник для изучения культурного контекста эпохи и истории повседневности.

Ключевые слова: Роже де Бюсси-Рабютен, «Любовная история галлов», приличие, придворное общество, Людовик XIV, галантность, честь, сатирический роман, брак

*Поступила в редакцию: 30 июля 2025 г.
Принята к публикации: 30 декабря 2025 г.*

(IN)DECENT RELATIONSHIP AT THE GALLANT COURT OF LOUIS XIV

S.R. Grecky

Moscow State University (MSU), Moscow, Russia

Abstract. This article is about understanding decency in the French court of Louis XIV. In the first part, published in this issue, the author relies on contemporary explanatory dictionaries of that period to reveal that decency in the mid-17th century implied compliance with established standards. Furthermore, he traces how that meanings affected the conte strategies. The article also explores ideal male and female role models to which representative of an “honest society” had to conform and examines the evolution of the “honest man” into the “gallant man” in the XVIIth century, and their inherent aspects of image and nature. The key focus is on high society members and how they formed relationships within the family in a way that could be considered as decency (a major expectation from the public opinion) and not discrediting their reputation. In addition, taking the satirical novel by comte Roger de Bussy-Rabutin as the main source for illustration how theoretical understanding of decency was embodied in practice, the author is introducing this satirical novel to historiography as a useful resource for studying the era’s cultural context and the history of daily life.

Keywords: Roger de Bussy-Rabutin, “Love story of Gauls”, decency, court society, Louis XIV, gallantry, honour, satirical novel, marriage

Received: 30 July 2025

Accepted: 30 December 2025

Век Людовика XIV считается апогеем придворной культуры во Франции. Версаль стал новым культурным центром, где все высшие представители французского общества проводили многие месяцы своей жизни. Необходимость регламентации своего поведения в высшем свете привела к формированию сложного неписаного кодекса манер и приличий, через призму (не)соответствия которому оценивался каждый отдельный член общества. Со двора этот новый моральный этос перешел и в быт: в салоны, кружки и даже дома и семьи. Таким образом, вся жизнь элиты оказалась подчинена определенным поведенческим паттернам, следование которым отличало приличных людей от неприличных.

Но несмотря на обилие работ, посвященных этому времени, проблема подбора адекватных источников для раскрытия представлений о приличии остается крайне актуальной. Дело в том, что неписанный свод правил

потому так и назывался, что не имел формальной кодификации – рамки приличия существовали исключительно в головах современников и определялись социальной практикой.

Конечно, писались специальные трактаты, где т.н. «моралисты» излагали свою точку зрения по данному вопросу. Но эти работы, во-первых, всегда несколько отставали от ситуации «на местах», фиксируя лишь те нормы, которые уже успели устояться и стать безусловным консенсусом, не отображая последних веяний эпохи. Во-вторых, в силу своей дидактичности они носили скорее назидательный, чем описательный характер и не столько дескриптивно отображали нравы своего времени, сколько прескриптивно указывали современникам, какими они должны быть. Словом, сочинения моралистов были оторваны от реальной практики применения.

Но в то же время крайне богатыми на материал оказываются сатирические романы. Будучи написаны непосредственно придворными и имея своей целью показать истинные нравы общества и высмеять их, они, несмотря на свою художественность, с высокой степенью достоверности отражали реальные ментальные структуры, а потому представляют собой наиболее объективный тип источников для погружения в данную проблематику.

Одним из самых известных и скандальных литераторов своего времени был Роже де Рабютен, граф де Бюсси, дворянин-неудачник, постоянно попадавший в нелепые истории, мешавшие его продвижению по службе¹. В результате, несмотря на немалые военные заслуги, в 1661 г. его полк был расформирован, и граф оказался на незавидном положении попавшего в немилость придворного, лишённого должности и пенсии и отстранённого от двора².

К тому же Бюсси постоянно страдал от общей проблемы французского дворянства того времени³ – катастрофической нехватки денежных средств. Карьерные и финансовые неурядицы заставили Бюсси обратиться к литературе, к которой он имел склонность и талант. В 1660 г. в родовом замке в Бургундии он пишет свою «Любовную историю галлов». Незадолго до этого он был в Лионе у своей любовницы, госпожи де Монгла, которую он развлекал тем, что пересказывал ей пикантные анекдоты из жизни высшего парижского общества. Тогда его истории возымели успех, и теперь, страдая от скуки, он решил оформить их в полноценное художественное произведение.

¹ Например, однажды из-под изголовья его кровати украли казенные деньги; в другой раз он, влюбившись, уехал на свидание, в то время как его полк, оставшись без присмотра, принялся за мародерство, а после ареста Фуке в кабинете суперинтенданта нашли долговую расписку Рабютена, породившую слухи об их тесных связях, что окончательно дискредитировало Бюсси в глазах короля.

² Кожанова Т.О. Бессмертный шедевр великого неудачника // Бюсси-Рабютен. Любовная история галлов. М. 2010. С. 190–201.

³ Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / пер. с нем. А.П. Кухтенкова, К.А. Кухтенкова, А.М. Перлова и др. М. 2002. С. 227.

Изначально рукопись предназначалась для узкого круга близких друзей и не предполагалась к публикации⁴, но в 1662 г. Рабютен дал прочесть «Любовную историю» своей подруге Катрин де Ла Бом. Она сделала копию рукописи, и вскоре о романе уже знал весь Париж, а после того, как в 1665 г. ее большим тиражом издали в Голландии, книгу прочла уже вся Франция⁵.

Роман вызвал грандиозный скандал, причиной которого стало то, как достоверно автору удалось изобразить своих современников. Сам Бюсси характеризовал «Любовную историю» то как «историю, или, скорее, сатирический роман»⁶, то как «галантную историю»⁷, причем допрашивавший его судья (за написание романа граф был заключен в Бастилию) определил ее как «несколько историй наподобие романов»⁸, то есть сочинение балансировало на грани между жанрами романа и исторической светской хроники.

Рабютен получил великолепное гуманитарное образование в Клермонском коллеже, был отлично знаком с античной литературной традицией⁹, и потому ориентиром при написании сатирического романа для него служил Петроний¹⁰. Подражание Петронию было не новой вещью для Франции: сатирические романы в то время пользовались большим спросом, и Бюсси было на что опереться при создании собственного¹¹.

Под романом в XVII в. понимали «искусно описанные в прозе ради удовольствия и поучения читателя вымышленные любовные приключения»¹². Популяризация сатирического романа в первой половине столетия стала следствием усталости публики от длинных «классических» романов с обилием персонажей и сложно закрученным сюжетом. Сатирические романы отличались наличием у их героев реальных исторических прототипов и критикой устоявшихся общественных вкусов и нравов.

⁴ Бюсси-Рабютен. Письмо герцогу де Сент-Эньяну // Бюсси-Рабютен. *Любовная история галлов*. М. 2010. С. 171.

⁵ Кожанова Т.О. Бессмертный шедевр великого неудачника // Бюсси-Рабютен. *Любовная история галлов*. М. 2010. С. 213–215.

⁶ Бюсси-Рабютен. Письмо герцогу де Сент-Эньяну... С. 171.

⁷ Протокол допроса Бюсси в Бастилии королевским судьей по уголовным делам Тардьё // Бюсси-Рабютен. *Любовная история галлов* / пер. с фр. Л.Г. Ларионовой. М. 2010. С. 176.

⁸ Там же.

⁹ Павлова С.Ю. Автобиографизм в мемуарах французских аристократов второй половины XVII века: дис. ... док. фил. наук. Саратов, 2019. С. 52.

¹⁰ Более того, знакомство Рабютена с Петронием подтверждается фактически: сцена свидания Арделизы и Тримале – прямой оммаж «Сатирикону», а на старости лет граф даже пытался перевести его на французский. См.: Кожанова Т.О. Бессмертный шедевр... С. 212.

¹¹ Современные исследователи особо выделяют три наиболее близких по духу к «Любовной истории» сатирических романа, написанных во Франции в первой половине XVII в. и, вероятно, послуживших Роже ориентиром при написании его собственного произведения: это «История принцессы Пафлагонии» мадемуазель де Монпансье, анонимный «Алькандр, или любовные похождения Генриха Великого» и «Любовные похождения Короля и Королевы, выведенных под именем Юпитера и Юноны, с описанием их великолепной свадьбы, или Моральная история Франции в царствование Людовика Справедливого и Анны Австрийской» Пюже де Ла Серра. См.: Coralie R. L'Histoire amoureuse des Gaules de Bussy-Rabutin: cantique de la médisance ou machine de guerre? // *Littératures Classiques*. 2006. № 59. P. 267.

¹² Кожанова Т.О. Указ. соч. С. 224.

«Любовная история» относится к числу т.н. «романов с ключом», где настоящие имена реальных героев прикрыты выдуманными именами персонажей, взятыми из популярных романов. Разгадать, кто скрывался под маской, для мало-мальски погруженных в контекст искушенных читателей не представляло ни малейшей сложности (а для самых недогадливых заботливый издатель прилагал к книге свой вариант «ключа», то есть свою интерпретацию того, кто есть кто. Иногда издатели и вовсе заменяли придуманные имена на настоящие в самом повествовании – именно в таком формате печаталась немалая доля изданий «Любовной истории»¹⁵. Впрочем, определенный простор для истолкований всегда оставался¹⁴.

Хотя сам граф отрицал, что опубликованный текст полностью принадлежит его перу, современные исследователи не склонны верить показаниям Рабютена¹⁵. Но, что более важно, источник можно считать достоверным в содержательной части повествования. Художественная составляющая романа ограничивается выдуманными именами, письмами и разговорами, но описанные в нем любовные перипетии несомненно подлинны – их достоверность подтверждают как историки (в правдивости романа не сомневались уже в XIX в.¹⁶), так и современники: многочисленные мемуары и другие произведения людей того же круга¹⁷ свидетельствуют о всем том же, о чем рассказал и Рабютен (вплоть до совпадений в описаниях внешности и характера отдельных персонажей¹⁸). Сатирический роман в силу своих жанровых особенностей предполагал подлинность описываемых событий, ведь он имел своей целью позабавить читателя, рассказывая о знакомых

¹⁵ Кожанова Т.О. Указ. соч. С. 214–216.

¹⁴ По мнению Элизабет Вудраф (с ней согласны и другие исследователи – см. Кожанова Т.О. Указ. соч. С. 219–220; Arzoumanov A. L'Histoire amoureuse des Gaules, entre chronique scandaleuse et divertissement galant // Littératures classiques. 2006. № 54. P. 142–146. и др.), причиной столь громкого скандала после выхода «Любовной истории» и суровой опалы, в которую попал автор, была именно коллизия с «двойным ключом». Дело в том, что помимо более известного, «голландского ключа», где объяснялось, что одна из героинь романа, Арделиза – это графиня д'Олонн, существовал еще и «дижонский ключ», интерпретировавший этого персонажа как Генриетту Английскую. Такое прочтение заставляло по-иному взглянуть на некоторые описанные в романе сюжетные перипетии и выводило на сцену самих короля и мать-королеву. Разумеется, Людовик не мог спокойно перенести разглашение интимных подробностей тщательно скрываемого скандала, связанного с его семьей, и был вынужден реагировать (см. Woodrough E. Les clefs de Bussy: hollandaise ou dijonnaise? // Bussy-Rabutin, l'homme et l'oeuvre: actes du colloque. Marmagne, 1995. P. 107–120). По мнению М.С. Неклюдовой, даже сам Рабютен не был в курсе этой истории, но именно возможность двойной интерпретации возымела такие роковые последствия (см.: Неклюдова М.С. Искусство Частной жизни. Век Людовика XIV. М.2008. С. 89.).

¹⁵ Кожанова Т.О. Указ. соч. С. 214. Полное единодушие выражает и французская историография – так, например, литературовед из Сорбонны Анна Арзуманов приходит к аналогичному заключению, подтверждая свое мнение ссылкой на многочисленных французских коллег – см. Arzoumanov A. L'Histoire amoureuse... P. 144.

¹⁶ См., например, издание 1856 г: Bussy-Rabutin R. Histoire amoureuse des Gaules, suivie des Romans historico-satiriques du XVIIe siècle. Tome I // The Project Gutenberg EBook. URL: <https://www.gutenberg.org/files/29049/29049-h/29049-h.htm> (дата обращения: 14.11.2024).

¹⁷ Например, «Мемуары» Сен-Симона, мадемуазель де Монпансье, госпожи де Мотвиль и самого Бюсси, письма де Севинье и Сент-Эньяна и др.

¹⁸ Кожанова Т.О. Указ. соч. С. 216–217.

ему людям, и сподвигнуть его на размышления о высоком через описание пороков современников. Не будь граф правдив, весь смысл романа терялся бы; не будь он столь непростительно точен, «Любовная история» не вызвала бы такого скандала.

В этом большое преимущество данного источника перед сочинениями моралистов: Лабрюйер или Фарет могут дать более полное и системное видение абстрактного понимания приличия, но их идеалистические сентенции остаются благими пожеланиями и не выходят за рамки абстракции, а теория без практики, как известно, мертва.

Между тем, «Любовная история» даже в выдуманных фрагментах представляет исследовательский интерес: как речи персонажей Фукидида не воспроизводят реальность, но отражают понимание того, как в представлении автора должна была звучать идеальная речь определенного героя в определенной ситуации, так и придуманные письма и речи героев Рабютена отражают представления придворного общества об идеально соответствующих случаю письмах и речах. К тому же сведения о приличии в романе не только косвенные: сам Бюсси часто использует прием авторских назидательных отступлений и время от времени обращается к читателю с нравоучениями о духе времени.

Для определения и истолкования современного Бюсси значения понятия «приличия» мы использовали два толковых словаря XVII в. – Французской академии¹⁹ и Фюретьера²⁰. Первый из них вышел в 1694 г. и стал первым академическим изданием такого рода. Второй – продукт творчества известного французского писателя и лексикографа Антуана Фюретьера, члена французской академии. Когда проект создания национального словаря только замыслился, он повздорил с коллегами о том, как он должен выглядеть в конечном итоге, и, не придя к согласию, попытался издать авторскую версию, за что был исключен из членов академии. Впрочем, он не оставил замысла и довел его до конца, хотя на свет словарь вышел лишь спустя два года после его смерти, в 1690 г. Ввиду того, что в 1674 г. Французская академия получила монопольную привилегию на создание словарей²¹, других современных изданий, к которым мы могли бы обратиться, просто не существует.

Оказалось, что словари толкуют «приличие» как сообразность, удовлетворение ожиданиям, благопристойность, внешнее соответствие – говоря по-французски, “*comme il faut*”. Ближайшим аналогом для русского «приличия» оказалось крайне многозначное французское “*convenance*”, в современном языке означающее «соответствие», «сходство»²²: именно этот оттенок смысла

¹⁹ Le Dictionnaire de l'Académie françoise dédié au Roy. T. 1. A–L. 1re éd. Paris, 1694. 761 p.; Le Dictionnaire de l'Académie françoise dédié au Roy. T. 2. L–Z. 1re éd. Paris, 1694. 718 p.

²⁰ Furetière A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts. 1re éd. La Haye, 1690. 2160 p.

²¹ Matoré G. Histoire des dictionnaires français. Paris. 1967. P. 78, 83–84.

²² Например, у О.А. Раевской «приличный» указано в качестве второго значения прилагательного «convenable» после первого значения «подходящий» (Раевская О.В. Современный французско-русский русско-французский словарь. Более 150 000 слов и выражений. М. 2022. С. 74.), но на французский «приличный» она предлагает переводить именно через него (Там же. С. 635.)

выводился современниками Бюсси на первый план. Очень близко по смыслу и слово “*bienséance*”, которое можно перевести как «пристойность», но которое также абсолютно корректно переводить и как «приличие». Его наиболее часто употребляют современные носители языка²³.

Такое понимание приличия как соответствия тому должному, что ожидает видеть светское общество в поведении порядочного человека, отлично коррелирует с тем, что мы знаем о месте общественного мнения в придворном обществе и тем, сколь большую роль оно играло в выстраивании социальной иерархии и системы взаимоотношений. Единственной гарантией принадлежности к «хорошему обществу» являлось признание оной со стороны других членов хорошего общества, что вызывало крайне щепетильное отношение к «чести» и всем ее производным²⁴. Для поддержания надлежащего имиджа, конституирующего принадлежность к приличному обществу, требовалось соответствовать правилам этого общества, отвечать его запросам и органично вписываться в него, что и означало быть «приличным».

Соответственно, господствующие в обществе представления о том, что модно, что правильно, что говорит о хорошем вкусе и т.д., определяли и представления о том, что прилично, т.е. каким моделям и общественным запросам требуется соответствовать, чтобы оставаться в глазах света приличным. «Утонченность, обходительность, искусство такта и образ жизни... внешний вид и поведение, манеры и этикет тщательно фиксировались «хорошим обществом»²⁵; следовательно, человек, не способный соответствовать этим заданным параметрам приличия, не мог считаться его частью.

К XVII в. при дворе сформировались идеальные архетипы приличного человека. Эти ролевые модели светской добродетели многократно описывались французскими моралистами и мемуаристами²⁶ и трансформировались с течением времени. К моменту правления Людовика XIV в качестве такого идеала утвердилась модель т.н. «порядочного/честного человека» (“*honnête homme*”). На соответствие оной претендовали абсолютно все, независимо от реального положения вещей, ведь люди, на которых ставилось клеймо “*malhonnête homme*”, исключались

²³ См., например, у Корали Робан: «В своих мемуарах Бюсси-Рабутен позаботится о том, чтобы показать [читателю] людей как они есть, не жертвуя [правдивостью] в пользу приличий и обычной [для сочинений такого рода] лжи» («*Dans ses Mémoires, Bussy-Rabutin aura soin de montrer des hommes réels, sans sacrifier à la bienséance et aux mensonges traditionnels.* Coralie R. *L'Histoire amoureuse...* P. 275.»)

²⁴ Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / пер. с нем. А.П. Кухтенкова, К.А. Кухтенкова, А.М. Перлова и др. М. 2002. С. 120–121.

²⁵ Там же. С. 80.

²⁶ Интересно, что в определении свойств, присущих этим идеалам, они не во всем совпадали, хотя общие черты, безусловно, были у всех. Отдельно имело место гендерное различие: мужчины в своих определениях акцентировали большее внимание на аспектах добродетели, а женщины – на внешних данных и заслугах – Холлова Ю.С. «*honnête homme et honnête femme*»: французские моралисты и мемуаристы о добродетельных придворных XVII века // *Via in tempore*. История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 1 (56). С. 44.

из хорошего общества и подвергались социальному остракизму. Не вдаваясь в подробности, порядочного человека можно определить как «человека всех самых лучших качеств»²⁷.

Некоторые отдельно выделяют в качестве особого подвида типажа “*honnête homme*” ролевую модель “*galant homme*”, пришедшую ей на смену в середине семнадцатого столетия²⁸. Она органично развивает представления о порядочном человеке, а ее отличительной чертой является особая расстановка акцентов на том, на какие именно «лучшие качества» следует обращать наибольшее внимание. Свойства, присущие человеку порядочному (беззаветная преданность, религиозное благочестие, смелость, благородство, честное исполнение вассального долга и т. п.) сохранились и за человеком галантным, но дополнились новыми качествами, относящимися к сфере повседневных практик в приличном обществе (умение вести себя в свете, поддерживать беседу, красиво выглядеть, нравиться дамам, избегать крайностей, обладать тонким умом и вкусом, вежливыми манерами, красноречием, любовью к искусству и литературе, а «в сфере любовных отношений» галантность «основывалась на глубоком, созревшем и продолжительном взаимном чувстве»²⁹).

Впрочем, в отличие от «порядочного», слово «галантный» имело не только исключительно положительную коннотацию. Происходя от крайне многозначного средневекового прилагательного “*gal*”, связанного с идеей «хорошего самоощущения и способности радоваться жизни», оно унаследовало от него весь его широкий спектр значений, «от приятного в общении, веселого, энергичного, наделенного подвижным умом человека до злоязычного насмешника, забияки, обманщика, дебошира, соблазнителя дам и распутника». В результате сформировалось две взаимодополняющие друг друга модели галантности: «прекрасная» (существующая в качестве декларативного идеала) и «непристойная» (темная сторона этого прекрасного образа, те нелицеприятные его черты, которые игнорируются в теории, но неизбежно сопровождают галантного человека на практике)³⁰.

Большинство черт приличия не носило гендерного окраса и было общим как для мужчин, так и для женщин. В первую очередь приличие связывалось

²⁷ Хохлова Ю.С. Там же. С. 39–43. Также см. в словарях: «порядочный человек... включает в себя все приятные качества, какими человек может обладать в гражданской жизни». *Le Dictionnaire de l'Académie...* Т. 1. Р. 570.

²⁸ На данном временном отрезке консенсусом считались те идеальные образы галантности, которые были сконструированы в литературном салоне мадам де Скюдери (подробнее см. *Costentin C. Denis Delphine, Le Parnasse galant: Institution d'une catégorie littéraire au XVIIe siècle. Paris, 2001 // L'Information Grammaticale. 2003. № 97. Р. 55.*) Именно влиянием салонной культуры объясняется специфика выборки главных качеств «*galant homme*».

²⁹ Павлова С.Ю. Две модели галантности в «Мемуарах» Бюсси-Рабютена // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2012. № 4. С. 41. Также см. в словарях: «Иногда порядочным человеком называют также человека, проявляющего только приятные качества и светские манеры, и в этом смысле порядочный человек означает не что иное, как галантный человек, человек, хорошо ведущий беседу, из хорошей компании». *Le Dictionnaire de l'Académie...* Т. 1. Р. 570.

³⁰ Павлова С.Ю. Две модели галантности... С. 41.

с обладанием честью³¹. Претензии на обладание честью требовали подтверждения соответствующей репутацией. Заслужить оную можно было путем совершения поступков и демонстрации качеств, считавшихся отличительными признаками честного человека, а потому наличие всех нижеописанных свойств само по себе говорило о наличии чести (и наоборот) – отсюда постоянное стремление выставлять напоказ свои лучшие черты и умения.

Важнейшим для обоих полов фактором поддержания должной репутации было отсутствие о человеке дурных сплетен в обществе. Идеальный человек не мог быть объектом насмешек, пересудов и перетолков – в противном случае возникали законные основания усомниться в его идеальности³². Не менее важно было и поддерживать «чистоту» круга общения: контакты с бесчестными людьми заставляли усомниться и в чести того, кто с ними контактировал³³. И напротив, общение с людьми с безукоризненной репутацией служило доказательством собственной безупречной репутации (ведь такие люди не стали бы общаться с недостойным, не желая бросить тень на свою репутацию).

Другое важнейшее качество приличного человека – телесная красота. В конечном итоге все так или иначе сводилось к внешним данным, но нюансировка красоты и уродства (цвет, пышность и длина волос³⁴, цвет кожи³⁵, черты лица³⁶, пропорции и изящество фигуры в целом³⁷ и отдельных частей тела³⁸, походка³⁹, исходящий от человека запах⁴⁰ и т.д.) была поистине неисчерпаема. Причем к мужчинам предъявлялось ничуть не меньше требований, чем к женщинам. Несколько упрощало жизнь то, что несовершенство в одних чертах могло компенсироваться (частично или полностью) прелестью в других⁴¹, причем не только физических, но и духовных.

Не менее важны для высшего общества были родословная и социальный статус: приличный человек должен был происходить из приличной семьи⁴² и занимать приличное место в обществе⁴³. Наконец, к обоим полам предъявлялся целый перечень различных светских навыков, продиктованных господствующей галантной культурой: от приличного человека требовалось быть остроумным

³¹ «Порядочный – добродетельный, соответствующий чести». См.: *Le Dictionnaire de l'Académie...* Т. 1. Р. 569–570.

³² «Вам известно, как он дорожит своей доброй славой и как должен опасаться всеобщих насмешек, которые нанесли бы ей урон». См.: *Бюсси-Рабютен. Любовная история...* С. 54.

³³ Например, вот как в романе реагируют на публичное разоблачение одной из героинь: «Верховный прево и его жена попытались ее ободрить, говоря, что сказанное маршалом никак на них не подействовало. Тем не менее с этого дня они стали избегать ее общества». См.: *Бюсси-Рабютен. Любовная история...* С. 73.

³⁴ Там же. С. 28, 92 и др.

³⁵ Там же. С. 25, 48 и др.

³⁶ Там же. С. 9, 57 и др. Особенным достоинством у мужчин считался «орлиный» нос.

³⁷ Там же. С. 49, 84 и др.

³⁸ Там же. С. 9, 81 и др.

³⁹ Там же. С. 93.

⁴⁰ Там же. С. 42, 92.

⁴¹ Там же. С. 48, 64 («смелость в обращении с женщинами заменяла ему любезность»).

⁴² Там же. С. 11, 16 и др.

⁴³ Там же. С. 22, 28 и др.

и иметь хорошее чувство юмора⁴⁴, обладать музыкальным вкусом, уметь петь и танцевать⁴⁵, сочинять и писать галантные письма⁴⁶ и стихи⁴⁷, вести интересные светские беседы⁴⁸ и знать этот свет⁴⁹, организовывать светские мероприятия, удовлетворяющие запросам приличного общества⁵⁰.

В качестве иллюстрации можно привести пример Кандоля, «красивейшего мужчину при дворе» и одного из ухажеров главной героини первой части романа Арделизы. Среди достоинств героя автор выделяет прекрасные его голубые глаза, «необычайно густые золотисто-белокурые волосы», ровные белые зубы, дивное телосложение, отменное чувство стиля в одежде, высокое происхождение и значимую должность; среди недостатков – неправильные черты лица и «большой, неприятной формы рот». Как совокупность физических достоинств этого вельможи компенсировала его немногочисленные недостатки, так же и богатый опыт в любовных делах, пришедший к нему с практикой, компенсировал природное отсутствие выдающихся любовных талантов⁵¹. Аналогичную систему взаимозачетов (не)приличных качеств Рабютен использовал и при оценке других персонажей романа.

В наследство от образа *honnête homme* сохранялись и требования, которые можно отнести к благочестивым, не имеющим связи с салонной культурой, свойствам души: умение смирять чувства и обуздывать страсти⁵², связанное с этим умение сохранять благоразумие и не пускаться в крайности⁵³, быть искренним⁵⁴, добрым⁵⁵, скромным⁵⁶. Интересно, что и мужчинам, и женщинам в доказательство этих качеств считалось приличным краснеть, хотя к женщинам это и относилось в большей степени⁵⁷. Например, когда все тот же Кандоль упрекал девушку за неблагоприятное поведение, он укорял ее, в частности, за то, что она даже не краснеет от стыда и что он краснеет за нее сам⁵⁸. Это не стоит принимать

⁴⁴ *Бюсси-Рабютен. Любовная история...* С. 81, 84 и др.

⁴⁵ Там же. С. 84, 92 и др.

⁴⁶ Там же. С. 13 («Я уже и раньше заметила, беседуя с Вами, что Вы умны, но не знала, что Вы так хорошо пишете»), 24–25, и др.

⁴⁷ Там же. С. 29, 98 и др.

⁴⁸ Там же. С. 10, 24–25 и др.

⁴⁹ Там же. С. 47, 58 и др.

⁵⁰ Там же. С. 82–83, 98 и др.

⁵¹ Там же. С. 10–11.

⁵² Там же. С. 33–34, 53 и др.

⁵³ Там же. С. 88 и др. Здравомыслие при этом неоднократно противопоставляется в романе «искрометному уму»; последний свидетельствовал об остроумии, но, как правило, исключал первое: «При такой искрометности ума нет ничего удивительного, что ее способность к здравым суждениям невелика, ибо эти два качества обычно несовместимы». См.: Там же. С. 84.

⁵⁴ Там же. С. 33–34, 57 и др.

⁵⁵ Там же. С. 33, 46 и др.

⁵⁶ Там же. С. 9, 46 и др.

⁵⁷ Там же. С. 14, 24 и др. («Если Вы не краснеете, сударыня, то я краснею за Вас и за себя») Краснеть считалось настолько естественной реакцией для порядочной женщины, что краснеющие девушки даже приводились в качестве наглядного примера в словарной статье, объясняющей, что такое пристойность. См.: *Furetière A. Dictionnaire universel...* P. 226.

⁵⁸ *Бюсси-Рабютен. Любовная история...* С. 14.

за простую фигуру речи – в других щекотливых ситуациях Арделиза и в самом деле краснеет⁵⁹.

Отсутствие отдельных черт было прощительно до тех пор, пока оно никак не проявляло себя, но стоило обнаружить на публике несоответствие какому-либо из заданных стандартов, как репутации наносился непоправимый урон. Не страшно было не быть приличным на самом деле, страшно было показать себя неприличным; видимость имела в общественной жизни куда большее значение, чем истинное содержание⁶⁰. Среди поступков, свидетельствующих об отсутствии благочестия, особо выделялись злоба⁶¹ и всякого рода лукавство⁶² – и конечно, изобличение в этих и других пороках служило поводом для заслуженной общественной критики, влекущей за собой утрату чести.

Другая присущая каждому приличному человеку черта (также служащая автору, демонстрирующему несоответствие реальной практики декларативным идеалам, предметом насмешки⁶³) – показательное пренебрежение материальной стороной дела, несерьезное отношение к деньгам и готовность легко расстаться с ними, щедрость⁶⁴, которой противопоставлялись повсеместно распространившиеся скряжничество и жажда наживы⁶⁵. Например, когда друзья Жинотика узнают, что его жена находится в стесненном материальном положении, они, не задумываясь, отсылают ей крупные суммы денег⁶⁶ (о том, почему именно в дружбе люди особо стремились проявлять свои лучшие качества, см. ниже). Отдельно осуждалось плутовство как форма проявления неискренности, попытка обмана (к тому же также часто связанная с жаждой денег⁶⁷).

Под строгим социальным табу находилось и насмешничество⁶⁸. Существовало четкое разделение между участием в светских сплетнях

⁵⁹ Там же. С. 24, 44.

⁶⁰ Именно эта идея красной нитью проходит через весь роман; в критике подобного порядка вещей и заключается сатирический обличительный пафос «Любовной истории».

⁶¹ Там же. С. 9, 46 и др.

⁶² Там же. С. 92, 97 и др.

⁶³ «В Арделизу влюбился Криспен, человек довольно пожилой и низкого звания, но очень богатый... он подумал, что деньги заменят ему личные качества». См.: *Бюсси-Рабютен. Любовная история...* С. 12.

⁶⁴ Там же. С. 24–25, 60 и др.

⁶⁵ Там же. С. 90, 86 и др.

⁶⁶ Там же. С. 49. «Васкови, знавший, что она пребывает в стесненных обстоятельствах, послал ей тысячу пистолей, а Виневилю две тысячи экю».

⁶⁷ Там же. С. 55, 25 и др. («Когда тот [граф] однажды упрекнул графиню Фезику в любви к шевалье, красавица ответила ему, что он, очевидно, сошел с ума: как может она любить величайшего плута на свете?»).

⁶⁸ Наиболее показателен тут случай самого графа, который сполна поплатился за свой насмешнический роман. Вот что по этому поводу думал Сент-Эвремон: «Он решил... говорить открыто, без обиняков... Когда люди... сами решают сделать все то, что господин де Бюсси совершил по своей воле, они должны провести остаток дней в изгнании и с достоинством выносить превратности судьбы, которые сами... на себя навлекли... Их достоинства никому не известны, а репутация ума злого и желчного вызывает лишь недоверие у каждого и боязнь у многих... он был злоязычен до крайности: лучшие друзья, а также самые безупречные придворные не были избавлены от его язвительных выпадов... Вот, месье, что я думаю по поводу господина де Бюсси... он никого не любил и в конце концов стал объектом неприязни... в цивилизованном обществе доброе сердце всегда будет цениться выше, чем тонкий ум». См.: *[Сент-Эвремон]*. Характер графа

и целенаправленной атакой на чужую честь: первое было нормой жизни, второе – считалось аморальным и неприличным. Можно предположить, что столь бросающаяся в глаза разница в отношении к, казалось бы, ведущих к одним и тем же последствиям (утрате объектом сплетни/насмешки чести) действиям, объясняется тем, что в первом случае общество как бы реагировало на уже свершившийся и ставший известным неблаговидный поступок, тогда как во втором насмешник подрывал моральный статус другого члена общества, хотя последний не давал к тому никаких оснований. Удар насмешника мог быть направлен на кого угодно, поэтому язвительный остро слов был опасен для общества⁶⁹. Другими словами, если исключать провинившегося из числа приличных людей считалось нормальным, потому что он сам был в этом виноват, то в случае неспровоцированной насмешки у приличного общества, напротив, включался механизм коллективной защиты, и оно клеймило самого насмешника как нарушителя общественного спокойствия⁷⁰. Поэтому чрезмерную тягу к остроумию, это свойство «искрометного ума», не одобряли – к тому же, помимо того, что остроумие грозило превратиться в насмешничество и демонстрировало явную неспособность к добродетели смирения страстей, оно расценивалось как признак низкой культуры, принадлежности к простонародью⁷¹. При этом безобидные остроути, не затрагивающие чужую честь, но демонстрирующие остроумие шутящего, считались допустимыми⁷².

Вместе с тем, некоторые черты характера можно однозначно идентифицировать как чисто мужские и чисто женские. К последним со знаком «минус» относились связь с женщиной, иницированная в корыстных целях обогащения⁷³ и кокетство как особая, чисто женская⁷⁴ форма лукавства и бесчестия⁷⁵; со знаком «плюс» – обладание навыками дипломатии (умение купировать потенциальные конфликты и разрешать уже случившиеся)⁷⁶, показательные скромность и смущение (маркером которых и было умение краснеть в определенных обстоятельствах)⁷⁷ и наличие множества ухажеров⁷⁸.

де Бюсси-Рабютена // Бюсси-Рабютен. Любовная история галлов / пер. с фр. Т.О. Кожановой. М. 2010. С. 183–184.

⁶⁹ «Его остроумия многие побаивались». См.: Бюсси-Рабютен. Любовная история... С. 68.

⁷⁰ «Вы не правы, господин маршал, – сказал он. – Доблестные мужчины не должны нападать на дам». См.: Там же. С. 73.

⁷¹ Там же. С. 93.

⁷² Там же. С. 29, 35 и др.

⁷³ Там же. С. 14, 56 и др.

⁷⁴ В романе есть примеры того, как мужчины занимаются «самоулучшением», пытаются подать себя обществу в более выгодном свете, чем они есть на самом деле (например, один из героев для улучшения своих физических показателей сидит на диете из уксуса (Там же. С. 90.), а другой – принимает ванны и питается афродизиаками (Там же. С. 43.)), но все же, на наш взгляд, это, хотя и можно назвать своего рода лукавством, все же нельзя расценить как мужское кокетство.

⁷⁵ Там же. С. 15, 38 и др.

⁷⁶ Там же. С. 94, 97 и др.

⁷⁷ «Скромность, столь красящая женщин». См.: Там же. С. 44. И т. п. Девическая скромность также упоминается в словарной статье в качестве примера пристойности. См.: Furetère A. Dictionnaire universel... P. 226.

⁷⁸ «Большое число поклонников льстит тщеславию женщин». См.: Бюсси-Рабютен. Любовная история... С. 35. И т. п.

Впрочем, последнее требовало от дамы особой осторожности: хотя обилие поклонников и служило наглядным подтверждением достоинств дамы (ведь если их так много, что все хотят завести с ней связь, следовательно, ее добродетели неоспоримы), неразборчивость в связях могла вызвать обратный эффект, ведь, действуя неразборчиво, дама рисковала вступить в контакт с недостойным мужчиной, чем автоматически опускала себя до его уровня, а кроме того, заставляла заподозрить себя в кокетстве. К тому же, накопление символического капитала в виде поклонников несло риски удара по чести в случае его утраты: если вокруг женщины переставали виться мужчины, значит, значит, эта женщина «испортилась» в глазах общества; если поклонник уходил ухаживать за другой, значит, черты приличия соперницы котировались обществом выше⁷⁹.

Наконец, в случае фактически произошедшей или потенциально возможной утраты чести женщина всегда имела опцию удалиться (добровольно или по велению своего мужчины) в уединенное место (как правило, монастырь⁸⁰ или деревню⁸¹), где никого нет и ничего не происходит, а потому нет и рисков вступить в общественно порицаемые связи или совершить социально неприемлемый поступок (а даже если это каким-то образом случится, никто об этом не узнает). К тому же, как показывала практика, свет имел свойство быстро забывать о тех, кто исчезал из его поля зрения⁸².

К чисто мужским чертам приличия относились уровень образованности, который Бюсси обозначает в качестве одного из критериев мужского ума⁸³, обладание большим мужским достоинством⁸⁴, умение ездить верхом⁸⁵, храбрость (отдельно выделялась воинская доблесть⁸⁶, отдельно – храброе поведение в повседневной жизни⁸⁷) и сила⁸⁸, связанная с ними решительность⁸⁹, великодушие⁹⁰ (своего рода щедрость души), умение обуздывать свое либидо⁹¹ (неразборчивость

⁷⁹ «Утрата поклонника огорчает их не столько сама по себе, сколько из-за предпочтения, оказанного соперницам». См.: Там же. С. 27.

⁸⁰ Там же. С. 49.

⁸¹ Там же. С. 53, 80 и др.

⁸² «Леникс, будучи предупрежден о дурном поведении жены, решил увезти ее в деревню... чтобы дать утихнуть шуму, который ежедневно возникал вокруг нее во все время ее пребывания в столице. В самом деле, стоило ей уехать, как о ней забыли». См.: Там же. С. 80.

⁸³ *Бюсси-Рабютен. Любовная история...* С. 28. Известно, что до середины XVII в. женское образование считалось постыдным, однако с развитием салонной культуры ситуация медленно начала меняться. Женщины стали претендовать на куда более высокий интеллектуальный статус, появлялись даже отдельные сочинения в защиту женского образования. Но мужчины по-прежнему скорее насмехались над учеными женщинами, а статус «ученой дамы» считался неприличным. См.: *Стогова А.В. Салонная культура XVII века и салонное творчество // Вестник культурологии. 2015. № 2. С. 189.*

⁸⁴ «Причиной его успеха у дам считают, помимо приятной наружности, репутацию... обладателя внушительного органа любви». См.: *Бюсси-Рабютен. Любовная история...* С. 90.

⁸⁵ Там же. С. 90.

⁸⁶ Там же. С. 54, 81 и др.

⁸⁷ Там же. С. 64, 90 и др.

⁸⁸ Там же. С. 66, 87 и др.

⁸⁹ Там же. С. 10, 58 и др.

⁹⁰ Там же. С. 65, 77 и др.

⁹¹ Там же. С. 57.

в половых связях для мужчин была не менее опасна) и быть серьезным⁹². Кроме того, в то время полагали, что мужчины – в отличие от женщин, считавшихся безответственными – обладают ответственностью⁹³, что неизбежно выдвигало более строгие требования в отношении произносимых слов и даваемых обещаний.

Из негативных мужских качеств можно выделить, чрезмерную болтливость⁹⁴ (женщинам, по-видимому, прощавшуюся), трусость⁹⁵, нерешительность⁹⁶ и проявление слабости⁹⁷. Чуть сложнее обстоял вопрос с гордостью и честолюбием: эти не самые христианские черты, с одной стороны, противоречили общим требованиям благочестия, но с другой, они как ничто иное свидетельствовали о наличии у мужчины чести и желании продемонстрировать ее перед лицом общества. Поэтому принимался компромиссный вариант: они должны были иметься, потому что служили благой цели (плох мужчина, лишенный тщеславия и честолюбия⁹⁸), но как бы подспудно, неартикулированно, так, чтобы открыто не бросать вызов общественным приличиям и сохранить нужную видимость.

Обратная ситуация наблюдалась со скромностью. Формально правила скромности требовалось соблюдать обоими обоим полам, но в реальности скромность для мужчин, в отличие от женщин, была скорее недостатком, чем преимуществом, т. к. в их случае это был ближайший сосед нерешительности. Поэтому декларативно наличие скромности, конечно, заявлялось⁹⁹, но на деле мужчина должен был быть по-хорошему наглым и пробивным (что, разумеется, не отменяло требований к вежливости и не могло послужить оправданием для хвастовства¹⁰⁰). Например, при описании своей персоны – единственным (если не считать короля) безусловно положительном описании, где герой предстает идеалом, лишенным каких бы то ни было недостатков – граф, помимо прочего, указывает, что он «был храбр без бахвальства»¹⁰¹. Аналогичную характеристику («он наделен мужеством и начисто лишен честолюбия»¹⁰²) он дает и человеку, чью репутацию он пытается оправдать в глазах общества. В то время как образ своего противника, признавая за ним определенное мужество, он выводит так: «Он тщеславен и хвастлив; при своем появлении в свете так часто говорил нам о своей храбрости, что все невольно в ней сомневались»¹⁰³.

⁹² Бюсси-Рабютен. *Любовная история...* С. 17, 26 и др.

⁹³ Кастан Н. *Публичное и частное // История частной жизни: под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 3: от Ренессанса до эпохи Просвещения; под ред. Р. Шартье. М. 2016. С. 467–468.*

⁹⁴ «Причиной его успеха у дам считают... репутацию неболтливого любовника». См.: Бюсси-Рабютен. *Любовная история...* С. 90.

⁹⁵ Там же. С. 10, 82 и др.

⁹⁶ Там же. С. 22, 82 и др.

⁹⁷ Там же. С. 42, 78 и др.

⁹⁸ Там же. С. 49–50, 90 и др.

⁹⁹ Бюсси-Рабютен. *Указ. соч.* С. 98. Показательно, что в словарях скромность перечислена среди типично женских добродетелей и отсутствует в списках мужских достоинств.

¹⁰⁰ Там же. С. 87, 93 и др.

¹⁰¹ Там же. С. 82.

¹⁰² Там же. С. 90.

¹⁰³ Там же. С. 93.

Интересно, что, хотя честью, несомненно, обладали оба пола, концепция «честного слова» (т.е. поручительства честью за свои слова) распространялась сугубо на мужчин как на людей, облеченных ответственностью. Честное слово честного (если не по-настоящему, то хотя бы в глазах общественного мнения) человека считалось достаточным условием для доверия его словам¹⁰⁴, а нарушение данного честного слова символически уничтожало капитал чести нарушителя и автоматически исключало его из перечня приличных людей¹⁰⁵.

Аналогичным монастырю «убежищем чести», куда всегда можно было удалиться во спасение репутации, судя по всему, для мужчин служила армия¹⁰⁶ (хотя и деревня тоже была приемлемым вариантом¹⁰⁷).

Наконец, стоит заметить, что мужские и женские качества находились в теснейшей взаимосвязи: приличная женщина своими свойствами привлекала приличных мужчин и задавала определенную планку, которой потенциальный ухажер должен был соответствовать, а приличный мужчина – напротив, использовал свои свойства для преодоления этого порога отсекаемых недостойных кавалеров и завоевания сердца дамы¹⁰⁸.

Приличные отношения также базировались на понятиях чести и зависели от общественного мнения. Из них наиболее формализованным и подчиненным установленным нормам был брак. Он в наименьшей степени имел отношение к чувствам, относясь скорее к сфере долга, чем к сфере любви. «Брак – это основа социума, он свят и естествен»¹⁰⁹, а потому нельзя было сильнее ударить по репутации семьи, чем сделать достоянием общественности факт супружеской неверности. Одного слуха о ней (ведь, повторим, роль общественного мнения имела куда большее значение, чем реальное положение вещей) было достаточно, чтобы уничтожить честь обоих супругов и стоявших за ними родственников, а потому не было лучшего способа опорочить женатого человека и его семью, нежели чем представив его рогоносцем¹¹⁰.

Дело в том, какую роль играли брачные союзы в то время. Бракосочетание – это всегда заключение союза между семьями, и потому

¹⁰⁴ *Бюсси-Работен*. Любовная история... С. 59–60, 70. и др.

¹⁰⁵ Там же. С. 70, 88. Характерно, что честное слово в романе не соблюдает вообще никто, включая самого присутствующего на страницах автора, что лишний раз подчеркивает оппозицию формальной, нормативной видимости и реального ей несоответствия.

¹⁰⁶ Там же. С. 49, 97.

¹⁰⁷ Там же. С. 80 и др.

¹⁰⁸ По этой причине отказ ухажеру со стороны дамы также являлся ударом по его чести (особенно если отказ произошел по причине выбора в пользу другого любовника), ведь ему не просто отказывали в отношениях, но (как и в случае, когда мужчина переставал ухаживать за одной дамой, чтобы сделаться поклонником другой) заставляли его усомниться в собственной приличности.

¹⁰⁹ *Фарж А.* Семьи. Честь и тайна // История частной жизни: под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 3: от Ренессанса до эпохи Просвещения; под ред. Р. Шартье. М. 2016. С. 636.

¹¹⁰ Но роман показывает, что, хотя и измена мужа бросает тень на жену, измена жены бросает тень на мужа в несопоставимо большей степени. Имело место и половое неравенство в возможностях выбора стратегии ответа на измену: если супруг мог отослать неверную жену в деревню (см. выше) или иным образом оградить ее (а через это – и свою) честь (например, запретив ей принимать у себя того или иного мужчину), то жене оставалось только устраивать супругу домашние скандалы и ответные измены в отместку. См.: *Фарж А.* Указ. соч. С. 636–637

свадьбы являлись скорее средством достижения другой, более важной цели – установления тесной связи с определенным родом, обретения приданого, усиления позиций при дворе и т. д., – нежели были самоцелью. Следовательно, нерушимость брачных уз выходила за рамки простых взаимоотношений двух партнеров и становилась вопросом чести целых дворянских родов: запятнанная репутация жены не только бросала тень на честь мужа, но и заставляла усомниться в прочности связей, установившихся в результате заключения брака, и в благопристойности обоих семейств, допустивших внутри себя появление подобного непотребства.

Поэтому «Любовная история», где женатые героини только тем и заняты, что изменяют своим супругам, воспринималась современниками как откровенная провокация, и это – еще одна причина столь сурового наказания графа. Презрение к святости семейного очага¹¹¹ заставляло причислять сочинение Роже к категории либертинских романов, для которых подобное пренебрежение к тайне домашней супружеской жизни было отличительной чертой¹¹², а к либертинажу при дворе Людовика XIV относились крайне сурово¹¹³.

Впрочем, нельзя не отметить, что «Любовная история» (хотя, конечно, и в гиперболизированной и иронической форме) все же отражает определенное реально сложившееся в свете положение дел. Никто не испытывал иллюзий касательно того, что супруги должны любить друг друга – это было желательным, но отнюдь не обязательным, – а потому отношения между мужем и женой исчерпывались формальным отправлением обязательств по сохранению совместной чести¹¹⁴. В теории залогом этого должно было быть строгое подчинение женщины своему мужу¹¹⁵ и соответствие «тому образу супруги и матери, который был укоренен в сознании усилиями Церкви и общества»¹¹⁶, но, как показывает Бюсси, реальность была далека от этого идеального патриархального образа.

С противниками мужа боролись не на шутку. Пока измена не стала общим знанием, честь мужа пока только находится под угрозой, поэтому шансы спасти ее еще остаются. Помимо указанных выше способов воздействия на жену можно было попытаться и непосредственно расправиться со своими конкурентами. Мало что так стимулировало работу мужского ума, как острое чувство ревности и сопутствующее ощущение опасности. Например, когда шевалье д'Эгрмон, ухаживавший за подругой Арделизы Фезикой, почувствовал опасность в лице

¹¹¹ Во всем романе встречается всего одна супружеская пара, где никто никому не изменяет – возможно, потому, что они появляются всего на две страницы, и читатель просто не успевает узнать их получше.

¹¹² Гудемо Ж.-М. Литературные практики, или публикация приватности // История частной жизни... С. 406.

¹¹³ Неклюдова М.С. Искусство Частной жизни. Век Людовика XIV. М. 2008. С. 89.

¹¹⁴ В романе есть сцена, где к даме приходит ее любовник и через замочную скважину видит, как она обнимается со своим мужем, после чего пишет другу возмущенное письмо с негодованием по поводу увиденного: «Вы и представить себе не можете, кто новый любовник Арделизы, которого я обнаружил. Но какой любовник, Боже милостивый!.. Я застал не кого иного, как мужа, на коленях своей жены, и эта изменница его горячо ласкала». См.: Бюсси-Рабютен. Любовная история... С. 78

¹¹⁵ Кастан Н. Публичное и частное // История частной жизни... С. 454.

¹¹⁶ Там же. С. 458.

своего племянника, он левой рукой написал ей письмо от его имени с просьбой о тайной встрече с целью собрать улики.¹¹⁷

Причина, по которой приходилось идти на все эти ухищрения, проста: женились почти всегда не по любви. Хотя погоня за богатством и могла служить поводом для иронии ввиду несоответствия идеалу пренебрежения к деньгам, когда речь заходила о браке, шутки откладывались в сторону: здесь коммерческая составляющая (наравне с карьерными перспективами) выходила на первый план¹¹⁸. Поэтому долг долгом, но любовь – если ее не было в браке – как правило приходилось искать на стороне¹¹⁹, а измена служила маркером отсутствия супружеского счастья¹²⁰.

Желание совместить сохранность чести с устройением личной жизни вновь приводило к возникновению оппозиции «кажимость – истинность» и двойному восприятию обществом наличия у женатых людей связей на стороне: обилие ухажеров у жены или успех мужа в покорении дамских сердец свидетельствовали о наличии у них неоспоримых приличных качеств, поэтому сами по себе подобные внебрачные отношения не осуждались¹²¹, но стоило разразиться скандалу, как общество тут же забывало, что еще недавно относилось к этим связям вполне лояльно, и моментально покрывало такую семью позором презрения¹²². Покуда соблюдались формальные приличия, свет закрывал на неверность глаза или даже поощрял ее, но как только измена становилась неопровержимым фактом, известным всему свету, она превращалась в моветон; честь семьи моментально оказывалась замаранной, и изменников обвиняли в том же, за что еще недавно одобряли. Разоблачение этого лицемерия – еще одна из задач романа и причин, по которым общество оказалось не готово простить графа¹²³.

Разумеется, супружеский долг делал невозможным наличие детей вне брака. Не было более неприличной женщины, чем беременная вдова или женщина,

¹¹⁷ *Бюсси-Работен. Любовная история...* С. 30–31.

¹¹⁸ Там же. С. 9, 66 и др. Можно вспомнить и случай самого Бюсси, дважды женившегося по расчету – даже в романе отец советует его герою жениться для того, чтобы заполучить поместье. См.: Там же. С. 87.

¹¹⁹ По той же причине, если до заключения брака у кого-то из супругов уже были любовные связи, разрывать их было вовсе не обязательно. Любовники – если они были убеждены в том, что их партнер женится не по любви, а сугубо из меркантильных соображений – также могли отнестись к данному шагу с пониманием, ведь в их отношениях это принципиально ничего не меняло (например, там же. С. 46).

¹²⁰ Там же. С. 88.

¹²¹ Там же. С. 46, 87 и др.

¹²² Там же. С. 12, 85 и др.

¹²³ Если рассматривать «Любовную историю» с этой точки зрения, то «либертин» Работен оказывается куда более нравственным, нежели то общество, которое он высмеивает как раз таки за отсутствие истинного приличия и согласие довольствоваться формальностью. Это проявляется и в отношении к изменам: так, Работен называет «рогоносцем перед Богом» героя, чья жена не отдалась другому, но была неверна ему в душе (*Бюсси-Работен. Любовная история...* С. 85). Впрочем, попытка представить себя самым благочестивым и благородным – типичная для эпохи стратегия публичной саморепрезентации в качестве *honnête homme*. Реальные факты биографии Роже (включая неверность обоим его женам) явно никак не соответствовали выстраиваемому им прекрасному образу себя.

забеременевшая от любовника при живом муже¹²⁴. Соображения приличия всегда ставились в хорошем обществе на первый план, а потому между обществом и ребенком женщина в затруднении всегда выбирала первое – благо, соответствующие медицинские услуги (конечно, подпольно) предоставлялись и, судя по всему, пользовались спросом¹²⁵.

Впрочем, существовал и способ искупления измены – деятельное раскаяние. Покаявшись перед своим супругом или своей супругой, при благоприятном исходе можно было получить прощение, так как это, во-первых, являлось проявлением искренности, а значит, доверия и уважения, являвшихся основой абсолютно любого рода отношений¹²⁶ (единственным возможным достойным ответом на такой жест было проявить взаимность и оказать встречное доверие, приняв извинения), а во-вторых, раскаяние позволяло превентивно восстановить попорченную честь: раз последовало признание значит, преступная связь оборвалась до того, как в обществе разгорелся скандал, и нет нужды предпринимать усилия по восстановлению семейной чести, по счастью оказавшейся незатронутой. Правда, такой шаг, как правило, требовал действительного разрыва – одними отношениями приходилось жертвовать во имя других. Подобная жертва в обществе, где социальные связи были альфой и омегой, всегда оценивалась по достоинству и принималась в качестве достаточной для прощения¹²⁷.

Наконец, не всякий брак считался законным. Чтобы котироваться в качестве такового, обряд должен был быть проведен в церкви священником и заверен присутствием свидетелей и согласием родителей и всего общества (священник мог не пожелать освящать брак, неудобный при дворе) – в противном случае союз не считался официальным¹²⁸. Подобный неофициальный брак иногда становился первым шагом на пути к официальному – жених мог организовать похищение невесты с целью неофициальной женитьбы, а затем, поставив честь своей невесты (и стоящей за ней семьи) под угрозу, шантажировать ее родственников с целью заключения уже настоящего брака на своих условиях¹²⁹. На детях жениться не разрешалось – оба супруга должны были быть совершеннолетними, – но заводить любовные связи и сочетаться союзом с близкими родственниками не считалось предосудительным¹³⁰.

¹²⁴ Там же. С. 57, 91.

¹²⁵ Там же. С. 57.

¹²⁶ Там же. С. 71, 94. и др. Искренность перечисляется среди приличных качеств и в словарях. См.: *Furetère A. Dictionnaire...* P. 1035.

¹²⁷ *Бюсси-Рабютен. Любовная история...* С. 21, 34. и др. Отдельным подвигом признания была передача в руки супруга(и) своей любовной корреспонденции, о чем см. ниже.

¹²⁸ Там же. С. 49, 55.

¹²⁹ *Бюсси-Рабютен. Любовная история...* С. 49. Сам граф после смерти своей первой жены, прельстившись прелестями вдовы мадам де Мирамьон и ее состоянием в 400 тысяч экю, заручился поддержкой ее исповедника, убедившего его в том, что госпожа испытывает к нему взаимную симпатию, и организовал ее похищение с целью женитьбы. Правда, оказалось, что бедная вдова даже не знала о его существовании, и Рабютену пришлось с извинениями возвращать ее обратно домой. См.: *Кожанова Т.О. Указ. соч.* С. 192–193.

¹³⁰ *Бюсси-Рабютен. Любовная история...* С. 57. Самого графа отец уговаривал жениться на своей кузине. См.: Там же. С. 87.

Хотя основное внимание графа сосредоточено скорее на описании внебрачных любовных связей, речь о которых пойдет в следующей части, в романе также подробно рассмотрены и правила приличия, относящиеся к жизни в браке. Пожалуй, главным из них можно назвать закон сохранения чести, что было связано с тем, какое место брак занимал в обществе того времени. Будучи союзом двух семейств, он редко заключался по любви и в куда большей степени способствовал укреплению социальных связей, нежели взаимному счастью супругов. И хотя никто не обманывался на данный счет, сложившиеся представления об идеальном браке, которым надлежало соответствовать для того, чтобы считаться частью приличного общества, диктовали определенные стратегии поведения (преимущественно направленные на предотвращение угрозы публичной огласки адюльтера), в соответствии с которыми члены высшего общества пытались вести свою брачную жизнь – или, по крайней мере, убедить в этом окружающих.

Подведем промежуточные итоги. Итак, в придворном обществе Франции середины XVI в. под приличием понималось соответствие и, следовательно, чтобы считаться частью приличного общества, требовалось соответствовать принятым в нем правилам хорошего тона. Чаяния света воплотились в конкретном идеальном образе, т. н. «порядочном человеке», наделенном всеми возможными положительными чертами и свойствами души. В 1640–1650-е гг. под влиянием салонной культуры «порядочный человек» обрел новую инкарнацию – образ «галантного человека», сохранивший все лучшие черты человека порядочного, но более сосредоточенный на тех навыках, которые могли бы оказаться ему полезны в повседневной светской жизни: умение галантно общаться и развлекаться, галантно ухаживать и отвечать на ухаживания и т.д. Каждый отдельно взятый член «хорошего общества» пытался соответствовать этому образу (если не на деле, то, по крайней мере, на словах), чтобы сохранить за собой право называться приличным человеком и тем самым подтвердить свою принадлежность к хорошему обществу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Бюсси-Рабютен. Любовная история галлов* / Изд. подгот. Т.О. Кожанова, Л.Г. Ларионова, М.Н. Морозова, Л.А. Сифурова; отв. ред. А.Д. Михайлов. – М.: Ладомир; Наука, 2010. – 320 с.

2. *История частной жизни: под общей ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 3: от Ренессанса до эпохи Просвещения; под ред. Р. Шартье/пер. с фр. М. Неклюдовой, О. Панайотти.* – М.: НЛЮ, 2016. – 720 с.

3. *Неклюдова М.С. Искусство Частной жизни. Век Людовика XIV* / М.С. Неклюдова. – М.: О.Г.И., 2008. – 440 с.

4. *Павлова С.Ю. Автобиографизм в мемуарах французских аристократов второй половины XVII века: диссертация ... доктора филологических наук: 10.01.03* / Светлана Юрьевна Павлова; [Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН]. – Саратов, 2019. – 448 с.

5. Павлова С.Ю. Две модели галантности в «Мемуарах» Бюсси-Рабютена / С.Ю. Павлова // Известия Саратовского университета Новая серия. Серия. Филология. Журналистика. – 2012. – № 4. – С. 40–46.
6. Стогова А.В. Салонная культура XVII века и салонное творчество / А.В. Стогова // Вестник культурологии. – 2015. – № 2. – С. 186–190.
7. Хохлова Ю.С. “honnête homme et honnête femme”: французские моралисты и мемуаристы о добродетельных придворных XVII века / Ю.С. Хохлова // Via in tempore. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2009. – № 1 (56). – С. 39–44.
8. Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история / пер. с нем. А.П. Кухтенкова, К.А. Кухтенкова, А.М. Перлова и др. – М.: Яз. славян. культуры, 2002. – 368 с.
9. Arzoumanov A. L'Histoire amoureuse des Gaules, entre chronique scandaleuse et divertissement galant // Littératures classiques. – 2005. – № 54. – P. 141–151.
10. Bussy-Rabutin R. Histoire amoureuse des Gaules, suivie des Romans historico-satiriques du XVIIe siècle. Tome I [Электронный ресурс] // The Project Gutenberg EBook. URL: <https://www.gutenberg.org/files/29049/29049-h/29049-h.htm> (дата обращения: 14.11.2024).
11. Costentin C. Denis Delphine, Le Parnasse galant: Institution d'une catégorie littéraire au XVIIe siècle. Paris, 2001 // L'Information Grammaticale. – 2003. – № 97. – P. 55–56.
12. Coralie R. L'Histoire amoureuse des Gaules de Bussy-Rabutin: cantique de la médisance ou machine de guerre? // Littératures Classiques. – 2006. – № 59. – P. 265–282.
13. Furetière A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts / A. Furetière. – 1re éd. – La Haye et à Rotterdam: Chez Arnout & Reinier Leers, 1690. – 2160 p.
14. Le Dictionnaire de l'Académie française dédié au Roy. T. 1. A–L. – 1re éd. – Paris: Vve de J.B. Coignard, 1694. – 761 p.
15. Le Dictionnaire de l'Académie française dédié au Roy. T. 2. L–Z. – 1re éd. – Paris: Vve de J.B. Coignard, 1694. – 718 p.
16. Matoré G. Histoire des dictionnaires français / G. Matoré. – Paris: Libr. Larousse, 1967. – 279 p.
17. Woodrough E. Les clés de Bussy: hollandaise ou dijonnaise? // Bussy-Rabutin, l'homme et l'oeuvre: actes du colloque / présidé par Roger Duchêne et autres. – Marmagne: Jany, 1995. – P. 107–120.

929.53:811.161(47)

ИСТОРИЯ ФАМИЛИИ: ГАЛЕНКОВЫ – ГОЛИКОВЫ ДЕРЕВНИ ВОЙНОВКА

Р.М. Галенкин
Российско-Армянский (Славянский)
университет (РАУ), Ереван, Армения

Аннотация: В статье исследуется происхождение и эволюция фамилии Галенков и ее вариантов (Голенков, Галенкин, Голенкин, Голиков) на примере крестьянской семьи из деревни Войновка Дорогобужского уезда Смоленской губернии. На основе ревизских сказок XVIII в., метрических книг, словарей и лексикографических данных проведен ономастический и этимологический анализ. Установлено, что основой фамилии послужило диалектное слово «галень» белорусского происхождения, означающее «изношенный веник», а в переносном значении — «бедняк». Рассмотрены примеры словоупотребления на базе нескольких словарей. Показан механизм проникновения данного лексического элемента из восточнобелорусских говоров через переходные белорусско-русские диалекты Смоленского края. Рассматривается влияние историко-географических и социолингвистических факторов, включая длительное пребывание региона в составе Великого княжества Литовского, процессы языковой интеграции и политику русификации в Российской империи. Проведен сопоставительный анализ локальных говоров и белорусского языка, выявлены маркеры этнолингвистической идентичности. Работа сочетает методы исторической лингвистики, ономастики и региональной истории, что позволяет комплексно реконструировать генезис фамилии в контексте культурных трансформаций.

Ключевые слова: ономастика, диалектология, генеалогия, Смоленская губерния, этнолингвистика, русификация, Великое княжество Литовское

Поступила в редакцию: 15 августа 2025 г.
Принята к публикации: 20 октября 2025 г.

THE HISTORY OF THE FAMILY NAME: HALIENKOŨ (GALENKOV) – GOLIKOV FROM THE VILLAGE OF VOYNOVKA

R.M. Galenkin
Russian-Armenian University (RAU),
Yerevan, Armenia

Abstract. The article examines the origin and evolution of the surname Halienkoŭ and its variants (Golenkov, Galenkin, Golenkin, Golikov) based on the case of a peasant family from the village of Voynovka, Dorogobuzh Uyezd, Smolensk Governorate. Drawing on 18th-century census lists, parish registers, dictionaries, and lexicographic sources, the study applies onomastic and etymological analysis. It is established that the surname derives from the Belarusian-origin dialect word “halień”, meaning “worn-out broom” and figuratively “pauper.” The paper reconstructs the lexical transfer of this term from East Belarusian dialects through transitional Belarusian-Russian dialects of the Smolensk region. The impact of historical, geographical, and sociolinguistic factors is explored, including the region’s prolonged integration within the Grand Duchy of Lithuania, processes of linguistic convergence, and the Russification policies of the Russian Empire. A comparative analysis of local dialects and the Belarusian language identifies markers of ethnolinguistic identity. The study combines methods of historical linguistics, onomastics, and regional history, enabling a comprehensive reconstruction of the surname’s genesis within the framework of cultural transformations.

Keywords: soviet propaganda, soviet cinema of the 1930s., the image of the enemy, cinematography, public consciousness

Received: 15 August 2025

Accepted: 20 October 2025

В ревизской сказке 1764 г. по деревне Войновка Бятинского стана (впоследствии Суетовской волости) Дорогобужского уезда Смоленской губернии содержатся сведения о семье монастырского крестьянина (деревня Войновка была частью вотчины Крестовоздвиженского Бизюкова монастыря до секуляризационной реформы) Алексея Петровича (1714 г. р.). По тем же сведениям, у него в то время было двое взрослых сыновей – Иван Алексеевич (1741 г. р.) и Семен Алексеевич (1747 г. р.)¹.

На основании материалов ревизской сказки 1834 г.², ревизской сказки 1850 г.³ и ревизской сказки 1858 г.⁴, а также данных сельскохозяйственной

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп. 2. Д. 894. Л. 923об–927.

² Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 638. Л. 359об–361, 249об–256.

³ ГАСО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 104. Л. 519 об–522.

⁴ Там же. Оп. 5. Д. 1132. Л. 320об–323.

переписи 1917 г. по деревням Войновка⁵ и Мантрово⁶ (основана переселенцами из Войновки) прослеживается процесс формирования и закрепления фамилий в отдельных ветвях рода. Установлено, что потомки Ивана Алексеевича 1741 г. р. стали носителями фамилии Жданников, тогда как линия его брата, Семёна Алексеевича 1747 г. р., закрепила за собой фамильное прозвание Галенков и его многочисленные варианты (Голенков, Галенкин, Голенкин). Таким образом, можно предположить, что фамилия Галенков у крестьян деревень Войновка и Мантрово Суетовской волости возникает приблизительно во второй половине XVIII в., несмотря на то, что в письменной форме она была зафиксирована первый раз в метрической книге церкви села Пушкино в 1908 г. (жители деревень Войновка и Мантрово были прихожанами церкви в селе Пушкино⁷). Объясняется это тем, что все известные носители фамилии Галенков и ее вариантов восходят к одной линии рода — потомкам Семена Алексеевича, сына монастырского крестьянина Алексея Петровича. Иными словами, фамилия не появляется у случайного потомка в начале XX в., а является родовым прозвищем, закрепившимся за целой ветвью еще в XVIII столетии и на протяжении нескольких поколений передававшимся по наследству. Именно эта связь у всех носителей фамилии с конкретным предком позволяет относить возникновение фамилии к более раннему периоду, чем ее первое документальное упоминание.

Что же означает фамилия Галенков? По какой причине она могла возникнуть? Для начала необходимо ответить на первый вопрос. В этом нам помогут многочисленные словари.

В двух словарях смоленских говоров мы читаем практически идентичные определения слова «голэнь».

«Галэнь. 1. Истрепанный веник. (Узяла галень и ну дятей сечь). 2. Прозвище. (Васька-Галень приехал)»⁸.

«Голэнь. 1. Вытертый от употребления, оголенный веник; голик. (Гальнём ноги абмитають, пыль с пьтылка, мост нътирають). 2. Прозвище. (Галень – прозвища такая, как прицёпицца к каму. Вон, гаворють, у нас Митька-Галень)»⁹.

Слово «голэнь» также упоминается и в толковом словаре В.И. Даля как смоленский региональный вариант слова «голик»:

«Голик м. голень смл. веник с обитыми листьями, голые прутья, связанные в пук. (Расшумелся, как голик под порогом. У него совесть в голик. Голец м. голиха ж. голыш или нагиш, бедняк, нищий)»¹⁰.

⁵ Там же. Ф. Р-653. Оп. 3. Д. 179. Л. 5, 7–8, 11–13, 16.

⁶ Там же. Д. 185. Л. 96, 107, 109, 116.

⁷ Конокотин А. Летопись села Пушкина Дорогобужского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1878. № 15. С. 431.

⁸ Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск. 1914. С. 118.

⁹ Иванов А.И. Словарь смоленских говоров. Вып. 3. Г–Д. Смоленск. 1982. С. 43.

¹⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.; СПб. 1880. Т. 1.: А–З. С. 381.

Несложно заметить, что авторы всех трех словарей указывают, что слово «голе́нь» имеет два значения: веник без листьев и производное от него переносное значение «неимущий человек, бедняк; оборванец»¹¹.

Но откуда же произошло само слово «голе́нь» и почему оно распространено именно на территории Смоленского края вместо типично русского «голик»? Авторы книги «Словарь диалектов Понизовского края» связывают это с тем, что в «Смоленской области существует исторически сложившийся местный диалект – смесь русских и белорусских слов»¹².

Действительно, давайте обратимся к белорусским словарям:

«Галень, гальня, м. Венік, якім мятуць хату [змецены венік, дзяркач]. (У весь галень рассыпыўся, і хату нечым падмесьці)»¹³ («Галень, гальня, м. Веник, которым метут избу [изношенный веник, дяркач]. (Весь галень развалился, и избу нечем подмести)»).

«Галень м. Дзяркач. (Гальнём нічога ні пыдмяцёш, ягб толька ў печ)»¹⁴ («Галень, м. Дяркач. (Галенем ничего не подметешь, его только в печь)»).

В обоих случаях мы находим данное слово в диалектных словарях Могилевского края. Встречается это слово и в словаре диалектов Витебского края¹⁵, еще одного восточного региона Беларуси. Иными словами, «гале́нь» – это восточнобелорусское диалектное слово, которое современные словари белорусского языка обозначают в качестве синонима общеупотребительного слова «дзяркач».

Именно из восточных диалектов белорусского языка слово «гале́нь» посредством переходных белорусско-русских говоров Смоленского края и попало в русский язык, трансформировавшись в слово «голе́нь». Перед нами один из белорусизмов русского языка. На это, в частности, указывает этимологический словарь белорусского языка (1978–2017)¹⁶. Это подтверждается и тем, что фамилия Галенков распространена также и в Могилевской области.

Однако самым убедительным доказательством в пользу этой версии служат русско-белорусские словари. Языковеды Максим Горецкий и Николай Байков в своем «Практичном русско-белорусском словаре», изданном впервые в 1924 г., указывают в качестве перевода русского слова «голик – галень, дзяркач»¹⁷.

Но особого внимания с нашей стороны заслуживает «Подручный русско-кривский (белорусский) словарь» Вацлава Ластовского. Известно, что автор данного словаря крайне враждебно относился к церковнославянским, польским и русским заимствованиям в белорусском языке. Именно поэтому его словарь

¹¹ Филин Ф.П. Словарь русских народных говоров. М.; Л. 1970. Т. 6: Выросток-Гон. С. 291.

¹² Титова Т. Словарь диалектов Понизовского края // Хранители. URL: <https://хранители.рф/Article/?id=33605> (дата обращения: 30.07.2025).

¹³ Бялькевіч І.К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск. 1970. С. 131.

¹⁴ Юрчанка Г.Ф. Дыялектны слоўнік. 3 гаворак Мсціслаўшчыны. Мінск. 1966. С. 62.

¹⁵ Каспяровіч М.І. Віцебскі краёвы слоўнік. Віцебск. 1927. С. 73.

¹⁶ Галень // Verbum. Анлайнвы слоўнік. URL: <https://verbum.by/esbm/halien> (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁷ Байкоў М.Я., Гарэцкі М.І. Практычны расійска-беларускі слоўнік. Мінск. 1926. С. 33.

по мнению некоторых исследователей, получился наиболее пуристским¹⁸ (пуризм в языке — преувеличенное стремление к чистоте литературного языка). Вследствие этого необходимо отметить тот факт, что слово «голик» переводится там как «абскробак веніка, галень, дзяргач»¹⁹. Мы видим, что автор предлагает именно слово «галень» как наиболее приемлемое для белорусского языка слово.

Это подтверждается и тем, что в польском языке существует множество слов, которые обозначают «изношенный веник (drapacha, drapaga, drapacz, drapak, odrapек, okorак, skrabacha, skrabaka, skrobaka, szkrobaka), но ни одно из не имеет родственных связей со словом «галень»²⁰.

Не лишним в этом контексте будет обратиться и к книге «Вушацкі словазбор» белорусского писателя Рыгора Барадулина из Витебщины (сторонника языковых идей Вацлава Ластовского), в которую вошли его этнографические записки. Там «Галень – сшараваны венік, ад якога засталіся адны голыя дубцы»²¹ («Галень – изношенный веник, от которого остались одни голые прутья»).

Теперь ответить на вопрос о причинах возникновения такой фамилии будет довольно просто. Мы можем поставить фамилию Галенков в один ряд с русской фамилией Голиков, белорусской фамилией Дзяркач, украинской фамилией Деркач. Изначально такую кличку получали нищие и бедные крестьяне, голытьба (голытьбе дал бы определение. Слово не популярное). Впоследствии уже из этого прозвища выростала и полноценная фамилия.

Можно предположить, что Семен Алексеевич изначально получил прозвище Галень, которое уже в начале XX в. трансформировалось в несколько очень похожих фамилий. Так, например, один из прапраправнуков Семена Алексеевича – Козьма Иовлев был записан в Метрической книге села Пушкина за 1911 г. как Галенков²² (в 1917 г. в похозяйственной переписи уже как Голиков), а другой его прапраправнук (двоюродный брат Козьмы Иовлева), крестьянин деревни Васьково Георгий Иванович, был записан в карточке о ранении времен Первой мировой войны как Голенкин²³. Их многочисленные пятиродные братья также были записаны в похозяйственной переписи 1917 г. как Голиковы.

Можно заметить, что даже на таком явлении, как фамилия, сказалась политика русификации, проводимая царским правительством²⁴. Белорусский язык в официальной сфере практически не использовался, а его применение в печати и образовании подвергалось серьезным ограничениям²⁵. Усилия по развитию

¹⁸ Запрудскі С.М. Пурыстычная мовазнаўчая спадчына 1920-х гг. Вацлава Ластоўскага і Янкі Станкевіча. Роднае слова. № 7. 2018. С. 40.

¹⁹ Ластоўскі В.Ю. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна. 1924. С. 126.

²⁰ Mały słownik gwar polskich / pod red. Jadwigi Wronicz. Kraków. 2010. С. 366.

²¹ Барадулін Р.І. Вушацкі словазбор. Мінск. 2013. С. 45.

²² ГАСО. Ф. 48. Оп. 4. Д. 527. Л. 168об–169.

²³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. «Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат). Ящ. 671-Г.

²⁴ Симорот С.Ю. Фамилизация в России: практика истории, права и обычая / Право и государство: теория и практика. 2023. № 4(220). С. 25.

²⁵ Стадуб І.Д. Беларускі язык – серце беларускай дзяржаўнасці / Сацыяльна-эканамічны і прававы даследаванні. 2018. № 2 (52). С. 23.

белорусской культуры проявлялись в издании книг и газет на родном языке, в создании просветительских кружков и школьных инициатив, однако такие начинания часто сталкивались с цензурой и административными запретами.²⁶ Например, газета «Мужицкая правда» (1862–1863), издававшаяся Константином Калиновским²⁷, которого советская историография считала виднейшим «борцом за белорусскую национальную культуру, одним из основателей белорусского литературного языка»²⁸, имела нелегальный характер. Национальных школ на белорусском языке не существовало — обучение велось преимущественно на русском, что способствовало постепенной ассимиляции и закреплению русифицированных форм фамилий в официальных документах²⁹.

Естественно, что в этих обстоятельствах у части потомков Семена Алексеевича в официальных документах была прописана широко распространенная русская фамилия Голиков. Можно попробовать распределить праправнуков Семена Алексеевича по степени сохранения белорусских черт и степени русификации их фамилий. Предлагаемая последовательность, от наиболее близкой к традиционной белорусской формы к наиболее русифицированной, выглядит так: Галенков → Галенкин → Голенков → Голенкин → Голиков. В отличие от типично русского суффикса «-ин» суффикс «-ов» широко распространен на востоке Беларуси, прежде всего в Могилевской области, где в отдельных районах он является наиболее распространенным³⁰ среди всех фамильных окончаний. Этот суффикс, хотя и является наследием более ранней русификации времен присоединения земель Речи Посполитой к России в 1772 г., со временем стал частью белорусской культуры. Суффикс «-ин», напротив, связан с более поздней русификацией XX в. и более характерен для русской антропоники. Следует также отметить, что белорусские фамилии с суффиксом «-ин» преимущественно формируются от корней женского рода, тогда как суффикс «-ов» характерен для фамилий, образованных от корней мужского рода³¹. В случае с корнем «Галень», который относится к мужскому роду, с точки зрения норм белорусского языка более правильным является использование суффикса «-ов».

Белорусский языковед Ян Станкевич утверждал, что фамилии с окончаниями на «-ов» и «-ин», характерные для русских и болгар, возникли на тех белорусских этнических территориях, которые особенно долго находились под властью Российского государства (350–500 лет), когда белорусские земли управлялись централизованно, без учета их национальных особенностей³².

²⁶ Снапковская С.В. Этнокультурные аспекты развития образования и педагогической мысли в Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. / Историко-педагогический альманах ВЛАДИ. 2011. № 1–2 (6–7). С. 122.

²⁷ История Белорусской ССР / под ред. В.Н. Перцева [и др.]. Минск 1954. Т. 1. С. 273.

²⁸ Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. М. 1953. Т. 19: Историзм – Канди. С. 436.

²⁹ Станкевич Я. Нашыя прозвішчы / Беларускі сыяг. 1922. №4. С. 31–33.

³⁰ Бірыла М.В. Тыпалогія і геаграфія славянскіх прозвішчаў. Мінск. 1988. С. 41.

³¹ Вячорка В. Каралёвая Бона, ейны муж і Пітагорава тэарэма. Беларуская мова – за прыватную ўласнасць на ўсё // Па-беларуску зь Вінцуком Вячоркам. [Б.м.] 2016. С. 193–194.

³² Станкевич Я. Нашыя прозвішчы / Беларускі сыяг. 1922. № 4. С. 31–32.

Станкевич отмечает, что русификация фамилий происходила тремя путями: 1) переделка или замена белорусских фамилий русскими писарями и властями; 2) добровольное изменение белорусами своих фамилий на модные русские формы; 3) частичное возникновение таких фамилий в белорусской среде под российским влиянием. По его оценке, такие фамилии составляют около 15–20 % от общего числа белорусских фамилий, особенно много их на Смоленщине³³.

Однако нельзя исключать и добровольное участие самих носителей в этом процессе. Фамилия, ставшая более распространенной, привычной или звучной, могла восприниматься как удобная для официального общения и для повседневного обихода. В таких случаях трудно говорить исключительно о политике сверху: решение могло формироваться на самом местном, даже семейном уровне.

Особый интерес представляют документы личного происхождения — прошения, расписки, судебные дела за первую половину XX в., где крестьяне оставляли собственноручные подписи. Эти источники, в основном хранившиеся в сельских советах и волостных исполкомах, могли бы предоставить ценные сведения о том, как носители фамилий осознавали и фиксировали их в повседневной жизни, а также выявить различия между «живыми», бытовыми вариантами фамилий и их канцелярскими записями. Однако значительная часть таких документов была утрачена во время Великой Отечественной войны, что существенно затрудняет изучение этого вопроса. Вообще, источников, отражающих бытовую жизнь крестьянского населения Смоленской губернии в этот период, сохранилось крайне мало, так как они либо не систематически собирались, либо уничтожались в результате военных действий, пожаров и эвакуаций архивов. Эта утрата делает реконструкцию эволюции фамилий и их восприятия самими носителями особенно сложной задачей.

Для появления белорусской фамилии Галенков среди крестьян Суетовской волости Дорогобужского уезда были все исторические основания. Дорогобужская земля с 1404 по 1503 гг., а также с 1617 по 1654 гг. входила в состав Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ), то есть в составе белорусско-литовского государства³⁴. Это означает, что на протяжении долгого времени здесь действовало западнорусское право, распространялись административные формы и религиозная культура, характерные для Литвы и Руси³⁵, входивших в состав ВКЛ. В это же время происходила культурная и языковая интеграция населения, закрепившаяся в традициях, речи и семейной структуре. Иными словами, речь идет о том, что в этот период закладывались языковые привычки населения³⁶, в рамках которых уже в XVIII в. могли появляться подобные предфамильные формы (прозвища).

³³ Там же. С. 33.

³⁴ Марозаў С.П. Ідэя рэстытуцыі Вялікага Княства Літоўскага ў беларускай думцы часоў Першай сусветнай вайны / Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2015. № 1 (189). С. 64.

³⁵ Ивочкин Д.А. Церковная история Дорогобужского уезда (XII–XIX века) / Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2021. № 2 (11). С. 56.

³⁶ Королева И.А. Региональная лексикография: смоленские фамилии / Поливановские чтения. 2020. № 14. С. 100.

На этнографических картах профессора Я. Карского (1903) и историка и этнографа М. Довнар-Запольского (1919) Дорогобуж обозначен как белорусская земля³⁷. Эти карты основывались на данных полевых исследований, диалектологического анализа и культурных признаков, включая типы крестьянского жилья, обрядность, элементы одежды и язык.

Кроме того, 25 марта 1918 г. именно на основе этнографических исследований и данных, в том числе карты Карского, были провозглашены границы Белорусской Народной Республики³⁸ (далее – БНР). В состав БНР тогда включалась не только историческая Беларусь, но и Смоленщина – включая Дорогобужскую территорию. Эта идея находила поддержку среди национальной интеллигенции, которая рассматривала такие регионы как часть белорусского этнокультурного пространства. Местные фамилии с белорусскими корневыми элементами могли служить дополнительным подтверждением этой связи. Вместе с тем необходимо отметить, что мнение населения Дорогобужского уезда парламент БНР официально не запрашивал.

В Позднем Средневековье на Смоленских землях существовал переходный говор между западнорусским и московским наречиями³⁹. Современные смоленские говоры западной группы, граничившие и граничащие с ареалом северо-восточных белорусских говоров, сохраняют ряд общих черт, сложившихся еще в XIII–XVI вв. на территории Смоленского княжества, а позднее – Смоленской земли во власти ВКЛ⁴⁰. Эти говоры отличались сочетанием фонетических и морфологических признаков обоих ареалов, что позволяло отнести их к своеобразному переходному поясу⁴¹. Например, для них характерны сохранение аканья при наличии элементов яканья, особенности склонения существительных, а также глагольных форм, типичных для белорусского наречия⁴².

Под влиянием ВКЛ на язык накладывались черты старобелорусского административно-литургического языка, использовавшегося как в светской, так и в духовной жизни. Этот язык был основан на живых белорусских говорах, но обогащен старославянизмами, заимствованиями из польского и латинского языков⁴³. В результате происходило внедрение особой терминологии, отличной

³⁷ Этнографы Беларуси начала XX века // Краткая история Беларусі за апошніja 1000 hod. URL: <https://history-belarus.com/pages/figures/karski.php> (дата обращения 28.07.2025)

³⁸ Зюзькоў А. Крывавы шлях беларускай нацдэмакратыі. Менск. 1931. С. 58-59.

³⁹ Крутиков А.А. Концепции истории Белоруссии. I. От западнорусизма к национальным мифам и постсоветскому прагматизму / Перспективы. Электронный журнал. 2021. № 4/1 (24/25). С. 59–60.

⁴⁰ Григорьева Р.А. Феномен белорусско-российского пограничья / Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава: Зборнік навуковых артыкулаў. Гродна. 2021. С. 376–377.

⁴¹ Лунькова Е.С. К вопросу о языковых контактах смоленских говоров и белорусского языка: слово «курчина» / Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра: Сб. науч. ст. Смоленск. 2023. С. 151.

⁴² Спиричева М.В. К изучению фонологической вариативности в говорах Русско-Белорусского пограничья (на материале говора Хиславичского района Смоленской области) / Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2019. № 13. С. 722–731.

⁴³ Филатова С.А. Белорусизмы в смоленском диалекте / Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 2, № 10 (22). С. 228.

от московской, а также формирование письменной культуры, которая оказала влияние на народную речь. Белорусский элемент сохранялся в бытовой речи даже после вхождения Смоленщины в состав Московского государства, продолжая проявляться в лексике, фразеологии и особенностях произношения.

Вот что писал в 1875 г. священник церкви села Пушкина (в этот приход, как мы указывали выше, входила и деревня Войновка) Александр Конокотин:

«Пушкинские прихожане по языку и обычаям принадлежат все, исключая помещиков, к белорусскому племени. Произношение их смешанное, в разговоре можно услышать слова польские, малороссийские и такие, что для великорусса будут служить немалой загадкой, так, например:

Пуга, шелип – кнут. Болонка – стекло в раме. Ни тряссы не боюсь – ровно ничего не боюсь. Вечерять – ужинать. Жупан – верхнее одеяние домашнего сукна, длиною до колен. Саян – женская юбка с лифом. Андарак – женская юбка без лифа. Смашно – сладко, вкусно. Рахманный – смиренный, тихий. Хлудец – прут, большей частью называют ивовый. Услон – скамейка. Кринка – горлач. Мотыр – коромысл, водонос. Троху – немного. Цаца – детская игрушка. Огарнуться – одеться чем-нибудь лежа или сидя. Не замай – не трогай. Не галузай – не шути, не играй со мной. Дянка – тетка. Сдобель – очень много. Не здикайся – не шали. Шукай – ищи. Пытать – выспрашивать.

В произношении между буквой «д» и гласною литерою вставляют «з», например, вместо деньги произносят «дзеньги». Литеру «з» употребляют впереди слова вместо литеры «с», например, вместо того, чтобы произнести с луком, с маслом, произносят – злуком, змаслом; вместо лучше произносят – залучше. Перед каждым словом произносят частицу ти, а в конце слова литеру л изменяют в литеру в, например, ти-ходив, ти-видев; частица “ти” составляет особенность жителей Дорогобужского уезда, без нее они не произносят ни одного слова; посему природного жителя Дорогобужского уезда можно узнать по разговору из нескольких миллионов людей»⁴⁴ (о похожих вещах писали и некоторые другие священники Дорогобужского уезда, например, сел Волочка⁴⁵, Басманово⁴⁶).

Из этого ясно, что местные крестьяне точно имели в своем словарном запасе и слово «галён» (в условиях белорусско-русской пограничной языковой зоны оно могло произноситься как по-белорусски, так и по-русски).

Дискуссионным остается лишь вопрос, в какой мере соотносились белорусский и русский языки в данной местности. Несмотря на многочисленные статьи ряда священников за 1870–1880-е гг., отмечавшие белорусский характер Дорогобужского края, в результатах всеобщей переписи населения 1897 г.

⁴⁴ Конокотин А. Летопись села Пушкина Дорогобужского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1878. № 13. С. 381–391.

⁴⁵ Пляшкевич Б., Чулков С. Историко-статистическое описание прихода села Волочка Дорогобужского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1888. № 24. С. 1101.

⁴⁶ Терновский А. Историко-статистическое описание прихода села Мстиславской слободы Смоленской губернии Дорогобужского уезда // Смоленские епархиальные ведомости. 1887. № 20. С. 969.

Дорогобужский уезд указывается практически как чисто великорусский⁴⁷. Вероятно, что, невзирая на свой особый диалект и свои традиции, местные жители были уже слишком сильно оторваны от белорусской культуры, чтобы встать на защиту своей национальной идентичности. Тем не менее, фамилии, подобные Галенков, сохранили в себе отголоски этой пограничной идентичности, став живым свидетельством сложного переплетения культурных и языковых традиций. Они напоминают нам о том, как исторические процессы, протекавшие на Дорогобужской земле, оставили свой след не только в документах и картах, но и в именах, которые до сих пор звучат как эхо ушедших эпох.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Байкоў М.Я., Гарэцкі М. Практычны расійска-беларускі слоўнік / М.Я. Байкоў, М. Гарэцкі. – Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1926. – 100 с.
2. Барадулін Р.І. Вушацкі словазбор / Р.І. Барадулін. – Мінск: Кнігазбор, 2013. – 200 с.
3. Бірыла М.В. Тыпалогія і геаграфія славянскіх прозвішчаў / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1988. – 150 с.
4. Большая Советская Энциклопедия: В 50 т. / гл. ред. Б.А. Введенский. – 2-е изд. – М.: Большая Советская Энциклопедия, 1953. – Т. 19: Историзм – Канди. – 606 с.
5. Бялькевіч І.К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны / І.К. Бялькевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1970. – 200 с.
6. Вячорка В. Каралёвая Бона, ейны муж і Пітагорава тэарэма. Беларуская мова – за прыватную ўласнасць на ўсё / В. Вячорка // Па-беларуску зь Вінцуком Вячоркам. – [Б.м.]: Радые Свабодная Эўропа / Радые Свабода, 2016. – С. 190–202.
7. Галень // [Электронный ресурс] Verbum. Анлайнвы слоўнік. URL: <https://verbum.by/esbm/halien> (дата обращения: 22.07.2025).
8. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 10 (Смоленская губернская казенная палата. г. Смоленск. 1775–1917). Оп. 1. Д. 638; Оп. 3. Д. 104; Оп. 5. Д. 1132.
9. ГАСО. Ф. 48 (Смоленская духовная консистория. г. Смоленск. 1722–1918). Оп. 4. Д. 527.
10. ГАСО. Ф. Р-653 (Смоленское губернское статистическое бюро Смоленского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. г. Смоленск. 1918–1929). Оп. 3. Д. 179; Д. 185.
11. Григорьева Р.А. Феномен белорусско-российского пограничья / Р.А. Григорьева // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава: Зборнік навуковых артыкулаў. – Гродна: Гродненский гос. ун-т. им. Янки Купалы, 2021. – С. 376–380.

⁴⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России. Дорогобужский уезд без города // Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1398 (дата обращения: 02.08.2025).

12. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М.; СПб.: М.О. Вольф, 1880. – Т. 1: А–З. – 700 с.
13. Дзяркач // [Электронный ресурс] Verbum. Анлайнвы слоўнік. URL: <https://verbum.by/tsbm/dziarkach> (дата обращения: 18.07.2025).
14. *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь / В.Н. Добровольский. – Смоленск: [б. и.], 1914. – 200 с.
15. *Запрудскі С.М.* Пурыстычная мовазнаўчая спадчына 1920-х гг. Вацлава Ластоўскага і Янкі Станкевіча / С.М. Запрудскі / Роднае слова. – 2018. – № 7. – С. 40–42.
16. *Зюзькоў А.* Крыжавы шлях беларускай нацдэмакратыі / А. Зюзькоў. – Менск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1931. – 88 с.
17. *Иванов А.И.* Словарь смоленских говоров. Вып. 3. Г–Д / А.И. Иванов. – Смоленск: Смоленский гос. пед. ин-т им. Карла Маркса, 1982. – 150 с.
18. *Ивочкин Д.А.* Церковная история Дорогобужского уезда (XII–XIX века) / Д.А. Ивочкин / Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2021. – № 2 (11). – С. 49–69.
19. История Белорусской ССР / под ред. В.Н. Перцева [и др.]. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1954. – Т. 1. – 504 с.
20. *Каспяровіч М.І.* Віцебскі краёвы слоўнік / М.І. Каспяровіч. – Віцебск: Выданьне Віцебскага Акруговага Таварыства Краязнаўства і выдавецтва «Заря Запада», 1927. – 150 с.
21. *Конокотин А.* Летопись села Пушкина Дорогобужского уезда / А. Конокотин // Смоленские епархиальные ведомости. – 1878. – № 13. – С. 381–391.
22. *Конокотин А.* Летопись села Пушкина Дорогобужского уезда / А. Конокотин // Смоленские епархиальные ведомости. – 1878. – № 15. – С. 427–437.
23. *Королева И.А.* Региональная лексикография: смоленские фамилии / И.А. Королева // Поливановские чтения. – 2020. – № 14. – С. 98–108.
24. *Крутиков А.А.* Концепции истории Белоруссии. I. От западнорусизма к национальным мифам и постсоветскому прагматизму / А.А. Крутиков // Перспективы. Электронный журнал. – 2021. – № 4/1(24/25). – С. 36–65.
25. *Ластоўскі В.Ю.* Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік / В.Ю. Ластоўскі. – Коўна: А. Бак, 1924. – 200 с.
26. *Лунькова Е.С.* К вопросу о языковых контактах смоленских говоров и белорусского языка: слово «курчина» / Е.С. Лунькова // Многонациональная Россия: вчера, сегодня, завтра: Сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Н. Розанова. – Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2023. – С. 149–155.
27. *Марозаў С.П.* Ідэя рэстытуцыі Вялікага Княства Літоўскага ў беларускай думцы часоў Першай сусветнай вайны / С.П. Марозаў // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. – 2015. – № 1 (189). – С. 63–80.
28. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку и уездам 50 губерний Европейской России. Дорогобужский уезд без города // [Электронный ресурс] Переписи

населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств.
URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1398
(дата обращения: 02.08.2025).

29. *Пляшкевич Б., Чулков С.* Историко-статистическое описание прихода села Волочка Дорогобужского уезда / Б. Пляшкевич, С. Чулков // Смоленские епархиальные ведомости. – 1888. – № 24. – С. 1099–1107.

30. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки (коллекция)). Оп. 2. Д. 894.

31. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. «Картотека бюро учета потерь в Первой мировой войне (офицеров и солдат)». Ящ. 671-Г.

32. *Симорот С.Ю.* Фамилизация в России: практика истории, права и обычая / С.Ю. Симорот // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 4 (220). – С. 24–26.

33. *Снапковская С.В.* Этнокультурные аспекты развития образования и педагогической мысли в Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. / С.В. Снапковская // Историко-педагогический альманах ВЛАДИ. – 2011. – № 1–2(6–7). – С. 118–128.

34. *Спиричева М.В.* К изучению фонологической вариативности в говорах Русско-Белорусского пограничья (на материале говора Хиславичского района Смоленской области) / М.В. Спиричева // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. – 2019. – № 13. – С. 722–731.

35. *Стадуб И.Д.* Белорусский язык – сердце белорусской государственности / И.Д. Стадуб // Сацыяльна-эканамічны і прававы даследаванні. – 2018. – № 2(52). – С. 21–31.

36. *Станкевіч Я.* Нашыя прозвішчы / Я. Станкевіч // Беларускі сыцяг. – 1922. – № 4. – С. 31–33.

37. *Терновский А.* Историко-статистическое описание прихода села Мстиславской слободы Смоленской губернии Дорогобужского уезда / А. Терновский // Смоленские епархиальные ведомости. – 1887. – № 20. – С. 969–977.

38. *Титова Т.* Словарь диалектов Понизовского края // [Электронный ресурс] Хранители. URL: <https://хранителиродины.рф/Article/?id=33605> (дата обращения: 30.07.2025).

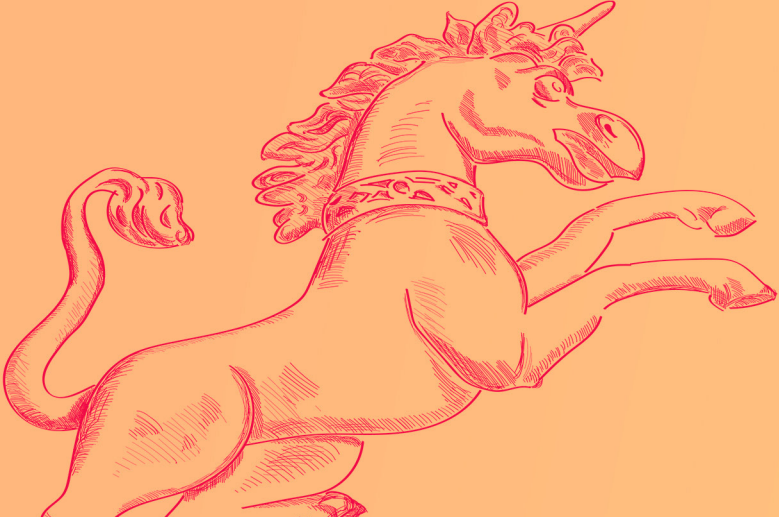
39. *Филатова С.А.* Белорусизмы в смоленском диалекте / С.А. Филатова // Теория права и межгосударственных отношений. – 2022. – Т. 2, № 10 (22). – С. 223–229.

40. *Филин Ф.П.* Словарь русских народных говоров / Ф.П. Филин. – М.; Л.: Наука, 1970. – Т. 6: Выросток-Гон. – 400 с.

41. Этнографы Беларуси начала XX века // [Электронный ресурс] Краткая история Беларусі за апошніja 1000 hod. URL: <https://history-belarus.com/pages/figures/karski.php> (дата обращения 28.07.2025).

42. *Юрчанка Г.Ф.* Дыялектны слоўнік. 3 гаворак Мсціслаўшчыны / Г.Ф. Юрчанка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – 150 с.

43. *Mały słownik gwar polskich / pod red. Jadwigi Wronicz.* – Kraków: Lexis, 2010. – 400 с.

УДК 930:37.0(47)

**МЕСТО ИССЛЕДОВАНИЙ А.В. ТРЕТЬЯКОВА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ ИНСТИТУТА
ОБРАЗОВАНИЯ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ
КРЕСТЬЯНСКОГО СОСЛОВИЯ**

Д.А. Акимцев

*Пензенский государственный университет
(ПГУ), Пенза, Россия*

Аннотация. В статье определяется место исследовательских работ А.В. Третьякова в современной отечественной историографии. В данной научной работе изучается история исследования института образования как фактора, определявшего трансформацию крестьянского сословия во второй половине XIX – начале XX вв. Эта проблема обрела высокую популярность в постсоветской российской историографии в связи с институциональным оформлением школы исторической антропологии. Но при этом социально-психологические аспекты работ по крестьянской истории с позиций историографического анализа изучались сравнительно мало. В настоящей работе выделяются особенности исследований проблемы крестьянского образования как фактора трансформации сословия. Также определяются характерные черты трудов А.В. Третьякова по истории крестьянской школы (в т. ч. тех, которые были написаны в соавторстве с С.П. Логиновым). Как итог в данной статье проводится анализ соответствия методологии и направления исследовательской деятельности Третьякова научному тренду, оформившемуся в современной отечественной историографии.

Ключевые слова: крестьянская история, народное образование, отечественная историография, постсоветская историческая наука, история рубежа XIX–XX вв.

*Поступила в редакцию: 10 июля 2025 г.
Принята к публикации: 27 декабря 2025 г.*

THE PLACE OF A.V. TRETYAKOV'S RESEARCH IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ON THE INFLUENCE OF THE EDUCATION INSTITUTION ON THE TRANSFORMATION OF THE PEASANT ESTATE

D.A. Akimcev

Penza State University (PSU), Penza, Russia

Abstract. This article defines the place of A.V. Tretyakov's research in contemporary Russian historiography. The scientific work examines the history of studying the institution of education as a factor determining the transformation of the peasant estate in the second half of the 19th – early 20th centuries. This problem gained significant popularity in post-Soviet Russian historiography due to the institutional formation of the school of historical anthropology. However, the socio-psychological aspects of works on peasant history have been relatively understudied from the perspective of historiographical analysis. This work highlights the specific features of research on the problem of peasant education as a factor in estate transformation. It also identifies the characteristic traits of A.V. Tretyakov's works on the history of the peasant school (including those co-authored with S.P. Loginov). Consequently, the article analyzes the correspondence between Tretyakov's methodology and research direction and the scientific trend that has taken shape in contemporary Russian historiography.

Keywords: peasant history, public education, Russian historiography, post-Soviet historical science, history of the turn of the 19th–20th centuries

Received: 10 July 2025

Accepted: 27 December 2025

Крестьянство на протяжении большей части истории России оставалось самым многочисленным социальным слоем. Специфика данного сословия заключалась в том, что оно было изолировано от тенденций общемирового развития, то есть оставалось традиционным и в материально-производственном (в хозяйстве преобладали примитивные ручные орудия труда, технологии и научные достижения в аграрную сферу не внедрялись в то время как экономика становилась индустриальной), и в духовном (сознание было религиозным, культура народная, основа которой – устное творчество) аспектах. В современной науке

актуальность исследований вопросов крестьянской истории остается высокой, что обусловлено развитием методологии гуманитарного направления. В 1990-е гг. произошло институциональное оформление школы исторической антропологии в российской науке. В рамках нового направления изучались аспекты крестьянского сознания. Образование стало рассматриваться как фактор, который способствует трансформации мировосприятия народных масс. До настоящего момента опыт изучения воздействия образовательных институтов на крестьянское сознание не обобщался.

Таким образом, в отечественной исторической науке необходимо разрешение исследовательской проблемы о приоритетных аспектах вопроса крестьянского образования в современной историографии. Для этого необходимо определить ведущих специалистов последних лет в изучаемой области и проанализировать особенности их подхода.

В текущее десятилетие значительное количество публикаций по теме развития института образования в крестьянской среде было сделано А.В. Третьяковым¹, ряд работ написан в соавторстве с С.П. Логиновым².

Цель данной научной статьи – определение места этих научных трудов в отечественной историографии крестьянского образования. Объект работы – исследование А.В. Третьякова и С.П. Логинова. Предмет работы – место исследуемых научных изысканий в отечественной историографии.

Для достижения поставленной цели необходимо решение ряда задач:

1. Проанализировать историографию крестьянского образования и определить ее характерные особенности и тенденции.

2. Определить особенности научных изысканий А.В. Третьякова и С.П. Логинова в сфере проблемы влияния института образования на процесс трансформации крестьянского сословия.

3. Определить соотношение научной деятельности А.В. Третьякова, С.П. Логинова с общими тенденциями современной крестьянской историографии.

В 1990-е гг. в рамках нового для российской науки направления – исторической антропологии – появляется исследовательский интерес к вопросу образования и его влияния на крестьянское сословие. Здесь можно отметить

¹ Третьяков А.В. Низшая сельскохозяйственная школа пореформенной России: факторы развития. Курск. 1997. 128 с.; *Он же.* Общественное движение за развитие низшего сельскохозяйственного образования в России конца XIX – начала XX века // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 1 (29). С. 35–43; *Он же.* Сельскохозяйственное образование крестьян в России XIX – начала XX веков: поиск путей развития. Курск. 2025. 183 с. и др.

² Третьяков А.В., Логинов С.П. Участие офицеров и армии в развитии сельскохозяйственного образования в пореформенной России. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 4 (64). С. 31–43; *Они же.* Закрепление крестьян в аграрной сфере России начала XX века: начальные и народные сельскохозяйственные школы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2024. № 2 (70). С. 18–28.

работу Э. Гумп³, диссертации Е.А. Кочетковой⁴ и П.В. Пыкина⁵. Последний, в контексте изучения социокультурного развития сел Забайкалья, посредством количественного анализа определил место образования в крестьянской среде данной части России. Пыкин констатировал, что деревенские школы играли заметную роль в жизни общинников. В работе приводились следующие данные: волости Забайкалья включали в себя 325 сел и деревень, в которых насчитывалось 260 школ, только в 75 населенных пунктах отсутствовала возможность получения базового образования⁶.

В 2000-х гг., в условиях сохранения актуальности социокультурных исследований народной истории, проблема влияния института образования на трансформацию крестьянского сословия затрагивалась в работах Д.В. Давыдова⁷; И.В. Кодолы⁸; С.И. Мальцевой⁹; А.Н. Ивановой¹⁰; С.С. Шалаевой¹¹; Т.А. Мищенко¹²; А.В. Потаповой¹³; А.Ф. Матвеевой¹⁴; А.А. Нуждиной¹⁵; Н.А. Дунаевой¹⁶.

Одним из актуальных направлений исследовательской деятельности в этот период являлось изучение изменений социокультурного пространства русской пореформенной деревни. Образование в данном случае рассматривалось как фактор, обуславливавший трансформацию крестьянского сословия. И.В. Кодола затрагивает проблему эффективности крестьянских школ второй половины XIX – начала XX вв.¹⁷. А.Н. Иванова, в свою очередь, исследовала

³ Гумп Э. Образование и грамотность в глубине России. Воронежская губерния. 1885–1897 // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). Мат. междунар. конф. М. 1996. С. 305–318.

⁴ Кочеткова Е.А. Просвещение крестьянства как проблема политики и деятельности правительства, общественности России в 1874–1904 годы: По материалам европейской части страны: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1999. 257 с.

⁵ Пыкин П.В. Русская деревня Западного Забайкалья на рубеже XIX–XX вв.: население, экономика, культура. Улан-Удэ, 2001. 196 с.

⁶ Там же. С. 156.

⁷ Давыдов Д.В. Крестьянство Татарстана в 20-е годы: историко-демографическая характеристика: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2001. 208 с.

⁸ Кодола И.В. Культурная среда амурской деревни, 1858–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2002. 264 с.

⁹ Мальцева С.И. Социально-политические преобразования советской власти в западносибирской деревне: отношение к ним крестьянства, 1923–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 237 с.

¹⁰ Иванова А.Н. Социокультурные процессы в деревне Центрально-промышленного района в конце XIX–начале XX века: На материалах Владимирской, Московской, Тверской губерний: дис. ... канд. ист. наук. М. 2003. 307 с.

¹¹ Шалаева С.С. Социокультурное развитие саратовской деревни в двадцатые гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. 174 с.

¹² Мищенко Т.А. Образ жизни крестьянства юго-западных губерний Центра России в 1921–1927 гг.: традиции и новации: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2004. 254 с.

¹³ Потапова А.В. Эволюция общественного сознания крестьян Центрального Черноземья в повседневных условиях новой экономической политики: 1921–1928 годы: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. 212 с.

¹⁴ Матвеева А.Ф. Крестьянство Тобольской губернии 1775–1860 гг.: хозяйственный уклад и социокультурный облик: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2007. 229 с.

¹⁵ Нуждина А.А. Социокультурное развитие российской деревни во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах губерний Верхнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2008. 294 с.

¹⁶ Дунаева Н.А. Модернизационные процессы в поволжской деревне в 1907–1917 гг.: на материалах Самарской, Симбирской и Саратовской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2009. 289 с.

¹⁷ Кодола И.В. Культурная среда амурской деревни, 1858–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2002. С. 8-9.

материально-организационные аспекты институционального оформления образования в крестьянской среде на рубеже веков: финансирование, формирование сети школ, дефицит учителей¹⁸.

А.А. Нуждина сопоставила влияние на крестьянское сознание церковно-приходских и земских школ и констатировала, что светские школы, в отличие от первых, обучали осмысленному, а не механическому чтению¹⁹. В контексте деятельности земств проблему крестьянского образования также рассматривал А.П. Романов²⁰.

Встречаются работы, где хронологические рамки расширяются. Пример – исследование А.Ф. Матвеевой, в котором она затрагивала проблему распространения образования в среде сибирского крестьянства, отмечая феномен вольной крестьянской школы, характерный для Сибири XVIII–XIX вв.²¹

Ряд исследователей рассматривал трансформацию крестьянства в условиях социально-политических преобразований, ставших следствием революционных событий начала XX в. Так, Н.А. Дунаева фиксировала факты создания сельских школ в Поволжье по инициативе крестьянской общины в период между революциями²².

С.И. Мальцева в своем исследовании выделяет отдельный параграф «Школа в системе крестьянского мира», где рассматривает вопросы внедрения большевиками в крестьянский мир образовательных нововведений: трудовой школы, школы крестьянской молодежи и т. п.²³. В исследовании Т.А. Мищенко также рассматривались аспекты деятельности школ крестьянской молодежи²⁴.

С.С. Шалаева провела статистический анализ изменений в сфере крестьянского образования в деревнях Саратовской губернии, ставших следствием преобразований большевиков в 1920-х гг. Автором сравнивается количество школ, доступных крестьянству дореволюционного периода и первого постреволюционного десятилетия²⁵.

¹⁸ *Иванова А.Н.* Социокультурные процессы в деревне Центрально-промышленного района в конце XIX – начале XX века: На материалах Владимирской, Московской, Тверской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2003. С. 88.

¹⁹ *Нуждина А.А.* Социокультурное развитие российской деревни во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах губерний Верхнего Поволжья: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2008. С. 168.

²⁰ *Романов А.П.* Начальное образование русского крестьянства в последней четверти XIX–начале XX веков: Официальная политика и общественные модели. Челябинск, 2009. 215 с.

²¹ *Матвеева А.Ф.* Крестьянство Тобольской губернии 1775–1860 гг.: хозяйственный уклад и социокультурный облик: дис. ... канд. ист. наук. М. 2007. С. 166.

²² *Дунаева Н.А.* Модернизационные процессы в поволжской деревне в 1907–1917 гг.: на материалах Самарской, Симбирской и Саратовской губерний: дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2009. С. 88.

²³ *Мальцева С.И.* Социально-политические преобразования советской власти в западносибирской деревне: отношение к ним крестьянства, 1923–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. С. 100, 119.

²⁴ *Мищенко Т.А.* Образ жизни крестьянства юго-западных губерний Центра России в 1921–1927 гг.: традиции и новации: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2004. С. 120.

²⁵ *Шалаева С.С.* Социокультурное развитие саратовской деревни в двадцатые гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 34.

К вопросу создания института образования в крестьянской среде в первые годы советских реформ также обращалась А.В. Потапова²⁶. Аспекты данной проблемы она рассматривала с позиций трансформации сознания народных масс, а институт образования соответственно анализировался как один из ключевых факторов исследуемого процесса.

В работе А.А. Гермашева «Повседневная жизнь деревни Нижне-Волжского края во второй половине 1920-х годов»²⁷ исследуются вопросы деятельности школ-семилеток, профессионального сельскохозяйственного вечернего образования (школы сельских агротехников), социального состава обучающихся.

Общей тенденцией в антропологических изысканиях 2000-х гг. является изучение аспектов крестьянской истории в периоды реформирования их образа жизни – реформы Александра II и преобразования большевиков.

В 2010–2020-х гг. проблема крестьянского образования и его влияния на трансформацию сословия сохраняет актуальность. М.М. Есикова в работе «Традиции и новации в аграрной культуре России 1880-е – 1930-х гг.: на материалах Центрального Черноземья» обращается к вопросу распространения знаний о рациональном, грамотном сельскохозяйственном производстве в крестьянской среде²⁸.

И.В. Неупокоев в монографии «Генезис системы начального образования в г. Кургане и Курганском округе Тобольской губернии в XIX – начале XX века»²⁹ целостно анализирует специфику развития системы образования (в том числе и народного) в конкретном регионе на рубеже веков.

Проблема образования рассматривалась и в работе Д.П. Шишкина «Основные направления и особенности модернизации российского села в начале XX века: 1900–1914 гг. на материалах Саратовской губернии»³⁰. Здесь затрагивается проблема деятельности церковно-приходских и светских школ начала XX века.

Особенностью данных исследований является тот факт, что в них рассматривалось профессиональное сельскохозяйственное образование в последние столетия существования Российской империи.

Проанализировав развитие отечественной историографии в постсоветский период, можно определить характерные особенности и тенденции исследований крестьянского образования.

²⁶ Потапова А.В. Эволюция общественного сознания крестьян Центрального Черноземья в повседневных условиях новой экономической политики: 1921–1928 годы: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. 212 с.

²⁷ Гермашев А.А. Повседневная жизнь деревни Нижне-Волжского края во второй половине 1920-х годов: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009. 194 с.

²⁸ Есикова М.М. Традиции и новации в аграрной культуре России 1880-е – начало 1930-х гг.: на материалах Центрального Черноземья: дис. ... доктора ист. наук. Тамбов, 2011. С. 116.

²⁹ Неупокоев И.В. Генезис системы начального образования в г. Кургане и Курганском округе Тобольской губернии в XIX – начале XX века. Курган, 2018. 316 с.

³⁰ Шишкин Д.П. Основные направления и особенности модернизации российского села в начале XX века: 1900–1914 гг. на материалах Саратовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2020. 254 с.

Во-первых, большинство трудов были написаны на региональном материале. Регионализм является ведущей концепцией постсоветской историографии. Данный факт обусловлен тем обстоятельством, что детально исследовать аспекты крестьянской истории с антропологических позиций можно только на локальном материале. Следующая особенность современных изысканий в области крестьянского образования – это анализ проблемы процесса получения крестьянами знаний как частного аспекта в контексте общего социокультурного развития деревни и сельского социума. Еще одна характерная черта постсоветской крестьянской историографии – это внедрение в научный оборот с целью изучения аспектов, которые находили недостаточное отражение в официальной статистике и документации, эпистолярных источников и мемуарной литературы.

Стоит отметить, что к 2020-м гг. число работ, посвященных конкретно институтам образования в сельско-крестьянской среде, значительно увеличилось. К числу этих исследований относятся труды А.В. Третьякова и С.П. Логинова.

Специфика исследований А.В. Третьякова заключается в том, что он рассматривает институты, выражаясь в современной терминологии, профессионального образования, а не общего, как большинство авторов. Также необходимо отметить, что хронологические рамки научных изысканий ученого – пореформенный период. Третья особенность, на которой необходимо заострить внимание – автор анализирует институты образования как фактор, влияющий на поведение и сознание социального слоя. Таким образом, можно констатировать, что в работах Третьякова присутствует преемственность с научными выводами других специалистов предметной области социокультурной и социально-психологической истории. Многие тезисы находят развитие в последних публикациях автора.

Для того, чтобы определить соотношение научной деятельности А.В. Третьякова и С.П. Логинова с общими тенденциями современной российской историографии проблемы влияния института образования на крестьянское сословие, в рамках данной научной статьи детально анализируется одна из последних публикаций авторов.

В работе А.В. Третьякова, С.П. Логинова «Закрепление крестьян в аграрной сфере России начала XX века: начальные и народные сельскохозяйственные школы»³¹ поднимается проблема обеспечения крестьянских хозяйств квалифицированными кадрами. Авторы отмечают, что получение образования становилось причиной миграции крестьян из общины и деревни в начале XX в. Предметом этого исследования стали начальные и народные сельскохозяйственные школы, получившие развитие в начале XX в.

³¹ Третьяков А.В., Логинов С.П. Закрепление крестьян в аграрной сфере России начала XX века: начальные и народные сельскохозяйственные школы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2024. №2 (70). С. 18–28.

В соответствии с общими тенденциями историографии по привлечению источников личного происхождения, авторы используют воспоминания очевидцев. Авторами интерпретируются позиции А.Н. Энгельгардта³², Ф.И. Гейдука³³ (земский агроном, исследовавший низшие сельскохозяйственные школы), К.Ф. Оржельского (земельный собственник, который создал в своем имении практическую школу садоводства), А.И. Васильчикова (сторонник развития сельскохозяйственного образования в России). В этом контексте изучается вопрос влияния профессионального образования на трансформацию крестьянского мировосприятия, а также отражение данного процесса в сознании очевидцев. Таким образом, исследуемая работа соответствует методологическому тренду многоаспектного исследования проблем.

Второй элемент, который также является частью общего методологического тренда и в рамках проблемы крестьянского образования развивается А.В. Третьяковым и С.П. Логиновым, – это анализ социально-психологических аспектов крестьянского мировосприятия, которые актуальны в контексте темы распространения профессионального сельскохозяйственного образования в крестьянской среде.

А.В. Третьяков и С.П. Логинов отмечают, что на рубеже XIX–XX вв. патриархальная многопоколенная крестьянская семья трансформируется, ей на смену приходят нуклеарные семьи. Здесь как причину авторы выделяют получение минимального образования. В работе отмечается, что получение сельскохозяйственного образования становилось причиной ухода детей из родительских хозяйств и семей. Это обстоятельство становилось дополнительным фактором, который стимулировал процесс трансформации крестьянского социума и крестьянского мировосприятия, который происходил значительными темпами во второй половине XIX – начале XX вв.

Еще один социально-психологический аспект, который рассматривается в статье – это восприятие процесса образования в крестьянской среде. Восприятие института образования в крестьянской общности было противоречивым. Исследователи отмечают, что восприятие процесса проникновения образования в жизнь крестьянского мира было скорее негативным. А.В. Третьяков и С.П. Логинов анализируют точку зрения Н.П. Москальского, который в 1878 г., в своих заметках для «Земледельческой газеты», отмечал, что причины сохранения феодальных пережитков в сельском хозяйстве и их слабой адаптации к рыночным условиям можно разделить на экономические и психологические. Москальский писал, что проблемы сельского хозяйства не сводятся к вопросу средств и ресурсов, а являются более сложной проблемой, поскольку любые новшества крестьянами воспринимаются с опасением³⁴.

³² Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. М. 2020. 560 с.

³³ Гейдук Ф.И. Наши низшие Сельско-Хозяйственные Школы. Одесса, 1891. 180 с.

³⁴ Третьяков А.В., Логинов С.П. Закрепление крестьян в аграрной сфере России начала XX века: начальные и народные сельскохозяйственные школы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2024. №2 (70). С. 18–28.

Таким образом, можно сделать вывод, что научные исследования А.В. Третьякова и С.П. Логинова занимают одно из центральных мест в современной отечественной историографии проблемы крестьянского образования. Этот факт обусловлен тем, что в изысканиях курганских ученых присутствует преемственность с опытом научного поиска предыдущих десятилетий, а также развиваются перспективные направления постсоветской историографии такие как исследование аспектов восприятия населением проводимых преобразований на рубеже XIX–XX вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Гейдук Ф.И.* Наши низшие Сельско-Хозяйственные Школы / Ф.И. Гейдук. – Одесса: тип. «Одес. новостей», 1891. – 180 с.
2. *Гермашев А.А.* Повседневная жизнь деревни Нижне-Волжского края во второй половине 1920-х годов: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Гермашев Александр Александрович; Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т. – Саратов, 2009. – 194 с.
3. *Гумп Э.* Образование и грамотность в глубине России. Воронежская губерния. 1885–1897 / Э. Гумп // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. науч. конф. (14–15 июня 1994 г.). – 1996. – С. 305–318.
4. *Давыдов Д.В.* Крестьянство Татарстана в 20-е годы: историко-демографическая характеристика: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Давыдов Денис Владимирович; Казанский гос. ун-т. – Казань, 2001. – 208 с.
5. *Дунаева Н.А.* Модернизационные процессы в поволжской деревне в 1907–1917 гг.: на материалах Самарской, Симбирской и Саратовской губерний: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Дунаева Наталия Алексеевна; Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. – Ульяновск, 2009. – 289 с.
6. *Есикова М.М.* Традиции и новации в аграрной культуре России 1880-е – начало 1930-х гг.: на материалах Центрального Черноземья: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Есикова Милана Михайловна; Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т. – Тамбов, 2011. – 315 с.
7. *Иванова А.Н.* Социокультурные процессы в деревне Центрально-промышленного района в конце XIX – начале XX века: На материалах Владимирской, Московской, Тверской губерний: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Иванова Анна Николаевна; Мос. гос. обл. ун-т. – Москва, 2003. – 307 с.

8. *Кодола И.В.* Культурная среда амурской деревни, 1858–1917 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Кодола Ирина Владимировна; Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 2002. – 264 с.

9. *Кочеткова Е.А.* Просвещение крестьянства как проблема политики и деятельности правительства, общественности России в 1874–1904 годы: По материалам европейской части страны: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Кочеткова Елена Александровна; Оренбург. гос. пед. ин-т. – Оренбург, 1999. – 257 с.

10. *Мальцева С.И.* Социально-политические преобразования советской власти в западносибирской деревне: отношение к ним крестьянства, 1923–1929 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Мальцева Светлана Ивановна; Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2002. – 237 с.

11. *Матвеева А.Ф.* Крестьянство Тобольской губернии 1775–1860 гг.: хозяйственный уклад и социокультурный облик: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Матвеева Анджела Федоровна; Моск. гос. обл. ун-т. – Москва, 2007. – 229 с.

12. *Мищенко Т.А.* Образ жизни крестьянства юго-западных губерний Центра России в 1921–1927 гг.: традиции и новации: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Мищенко Татьяна Александровна; Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г. Петровского. – Брянск, 2004. – 254 с.

13. *Неупокоев И.В.* Генезис системы начального образования в г. Кургане и Курганском округе Тобольской губернии в XIX–начале XX века / И.В. Неупокоев. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2018. – 316 с.

14. *Нуждина А.А.* Социокультурное развитие российской деревни во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах губерний Верхнего Поволжья: на материалах губерний Верхнего Поволжья: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Нуждина Анастасия Анатольевна; Иван. гос. ун-т. – Ярославль, 2008. – 294 с.

15. *Потапова А.В.* Эволюция общественного сознания крестьян Центрального Черноземья в повседневных условиях новой экономической политики: 1921–1928 годы: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Потапова Алла Валерьевна; Кур. гос. ун-т. – Курск, 2006. – 212 с.

16. *Пыкин П.В.* Русская деревня Западного Забайкалья на рубеже XIX–XX вв.: население, экономика, культура: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Пыкин Павел Васильевич; Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2001. – 196 с.

17. Романов А.П. Начальное образование русского крестьянства в последней четверти XIX – начале XX веков: Официальная политика и общественные модели / А.П. Романов. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – 215 с.

18. Третьяков А.В., Логинов С.П. Закрепление крестьян в аграрной сфере России начала XX века: начальные и народные сельскохозяйственные школы / А.В. Третьяков, С.П. Логинов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2024. – № 2 (70). – С. 18–28.

19. Третьяков А.В. Низшая сельскохозяйственная школа пореформенной России: факторы развития / А.В. Третьяков. – Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 1997. – 128 с.

20. Третьяков А.В. Общественное движение за развитие низшего сельскохозяйственного образования в России конца XIX – начала XX века / А.В. Третьяков // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2014. – № 1 (29). – С. 35–43.

21. Третьяков А.В. Сельскохозяйственное образование крестьян в России XIX – начала XX веков: поиск путей развития / А.В. Третьяков. – Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2025. – 183 с.

22. Третьяков А.В., Логинов С.П. Участие офицеров и армии в развитии сельскохозяйственного образования в пореформенной России / А.В. Третьяков, С.П. Логинов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2022. – № 4 (64). – С. 31–43.

23. Шалаева С.С. Социокультурное развитие саратовской деревни в двадцатые гг. XX в.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Шалаева Светлана Станиславовна; Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т. – Саратов, 2003. – 174 с.

24. Шишкин Д.П. Основные направления и особенности модернизации российского села в начале XX века: 1900–1914 гг. на материалах Саратовской губернии: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Шишкин Дмитрий Петрович; Саратов. нац. исслед. гос. ун-т. им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2020. – 254 с.

25. Энгельгардт А.Н. Письма из деревни / А.Н. Энгельгардт. – М.: Родина, 2020. – 560 с.

УДК 930:004.942(47)

**ПОТЕНЦИАЛ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА
ГЛАВНЫХ КОМПОНЕНТОВ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ
СТИЛОМЕТРИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ЖУРНАЛА «КАЗУС. ИНДИВИДУАЛЬНОЕ
И УНИКАЛЬНОЕ В ИСТОРИИ»**

Д.И. Усова

*Томский государственный университет
(ТомГУ), Томск, Россия*

Аннотация: В статье рассматривается потенциал применения метода главных компонент (Principal Component Analysis, PCA) для выявления стилометрических особенностей в текстах альманаха «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории». Метод PCA позволяет выделить основные направления вариативности в больших данных, что обеспечивает анализ стилометрической изменчивости текстов. Особое внимание уделено гибкости метода, связанной с возможностью исследователя самостоятельно задавать векторы анализа для адаптации метода к характеристикам конкретного корпуса текстов. В ходе исследования проанализировано 248 статей, опубликованных в 15 выпусках журнала, что позволило выявить стилистическую однородность статей в рамках альманаха, несмотря на их тематическое и хронологическое разнообразие. Дополнительный анализ статей О.И. Тогоевой, опубликованных в журналах «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории» и «Одиссей. Человек в истории», показал, что стилевые характеристики определяются скорее индивидуальным почерком автора или редакторской политикой, чем особенностями объекта микроисторического исследования. Результаты показывают, что редакторский стиль формирует своеобразный «фильтр», усложняющий выявление стилометрических различий, связанных с предметом исследования, и подчеркивают необходимость применения дополнительных методов анализа для точного определения объекта микроистории в рамках стилистических исследований.

Ключевые слова: микроистория, объект микроисторического исследования, метод главных компонент, стилометрический анализ, стилометрическая вариативность, журнал «Казус», журнал «Одиссей», редакторское упорядочение текстов

Поступила в редакцию: 5 сентября 2025 г.

Принята к публикации: 27 декабря 2025 г.

THE POTENTIAL OF APPLYING THE PRINCIPAL COMPONENT ANALYSIS TO IDENTIFY STYLOMETRIC FEATURES OF THE JOURNAL “CASUS. THE INDIVIDUAL AND THE UNIQUE IN HISTORY”

D.I. Usova

Tomsk State University (TSU), Tomsk, Russia

Abstract. The article examines the capability of applying the principal component analysis (PCA) to identify stylometric features in the texts of the journal “Casus. Individual and unique in history”. PCA enables highlighting the main areas of variability in big data, which provides an analysis of stylometric variability of texts. Special attention is paid to the flexibility of the method, associated with the researcher’s ability to set analysis vectors independently to adapt the method to the characteristics of a specific body of texts. The study analyzes 248 articles published in fifteen issues of the journal, which allows to identify the stylistic similarity of articles, despite their topical and chronological diversity. Additional analysis of Olga Togoeva’s articles, published in journal “Casus. Individual and unique in history” and “Odysseus. The man in the story”, shows that the style characteristics are determined rather by the individual style of the author or editorial policy than by the features of the microhistorical research object. The results show that the editorial style forms a kind of “filter“, which complicates the detection of stylometric differences related to the subject, and stress the need for additional analytical methods to accurately define the subject of microhistory in stylistic studies.

Keywords: microhistory, object of microhistorical research, principal component analysis, stylometric analysis, stylometric variability, journal “Kazus“, journal “Odysseus“, editorial arrangement of texts

Received: 5 September 2025

Accepted: 27 December 2025

Существует проблема определения объекта микроисторического исследования и как таковое выделение микроистории как автономного направления. Карло Гинзбург, один из основателей микроанализа и автор микроисторического труда «Сыр и черви»¹, признаётся, что никогда не знал, что такое микроистория². Историк Эдоардо Гренди отмечает, что итальянским микроисторикам были свойственны разногласия об объекте микроисторического исследования, из-за чего поиск теоретических текстов затрудняется³. О невозможности определения микроистории также заявляет Н.Е. Копосов в своей статье «Хватит убивать кошек! Критика социальных наук», полагая, что у нее отсутствует методологический язык⁴. Вместе с тем, одним из возможных решений определения особенности микроистории считается «насыщенное описание» (“thick description”) конкретных казусов⁵. В российской историографии микроистория представлена журналом «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории», который изначально являлся проектом Ю.Л. Бессмертного, который и был выбран как предмет исследования для определения объекта микроистории через выявление специфики описания. В аналитическую выборку попали все 248 статей, они прошли предварительную обработку и на их основе создана TF-IDF матрица.

В качестве метода выбрана стилометрия, которая была реализована при помощи программных решений языка R⁶. Для выявления стилистических особенностей был использован метод главных компонент (Principal Component Analysis, далее – PCA). Этот алгоритм позволяет выявить ведущие характеристики и стилистические приемы во множестве текстов, а также сгруппировать их в кластеры. Метод решает проблему обнаружения особенностей во множестве через понижение размерности. Особенностью данного метода является его гибкость: результаты анализа зависят от выбора векторов, которые задает исследователь, что позволяет адаптировать использование метода к специфике исследуемых данных. В рамках данного исследования метод PCA был применён для выявления стилометрической вариативности, что обеспечило эффективное выделение ключевых параметров, характеризующих стилистические особенности анализируемых 248 статей журнала.

¹ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / [пер. с итал. М.Л. Андреева, М.Н. Архангельской]. М. 2000. 272 с.

² Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. Сборник статей / [пер. с ит. и послесл. С.Л. Козлова]. М. 2004. С. 287.

³ Гренди Э. Еще раз о микроистории // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М. 1997. С. 292.

⁴ Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М. 2005. С. 142.

⁵ Magnússon S.G., Szijarto I.M. What is Microhistory? Theory and Practice. London, New York. 2013. P. 44; Атнашев Т., Велижев М.; Тогоева О., Бессмертная О., Кошелева О., Зорин А., Олейников А., Зенкин С., Щербакова И., Дубина В., Бойцов М. Микроистория и проблема доказательства в гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2019. № 6. С. 85.

⁶ Eder M., Rybicki J., Keatmont M. Stylometry with R: a package for computational text analysis // The R Journal. 2016. Vol. 8/1. P. 107.

Показано, что стилистически статьи журнала скапливаются в одной точке (Рис. 1), что позволяет предположить: используемый авторами стиль определяется другими факторами, а не спецификой исследуемого объекта микроистории.

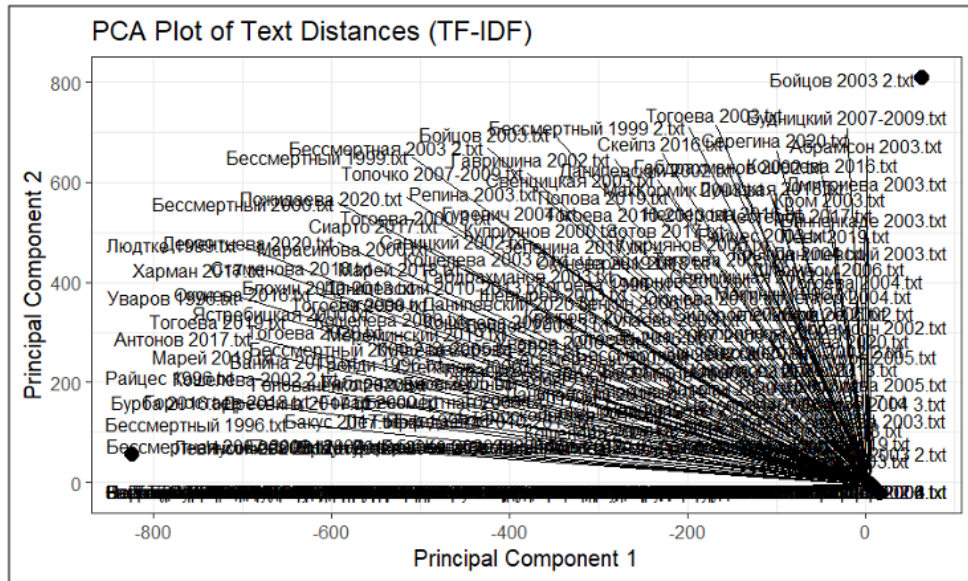

Рис. 1. Стилистический анализ статей журнала «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории» (Иллюстрация Д.И. Усовой)

С целью проверки того, что выявленная ранее стилистическая однородность обусловлена спецификой альманаха «Казус», а не индивидуальными особенностями авторов, был проведен стилистический анализ статей О.И. Тогоевой, опубликованных в журналах «Казус» – 18 статей, и «Одиссей. Человек в истории» – 8 статей. Видна концентрация почти всех статей в одной точке, что говорит о сохранении стилистики автора вне зависимости от журнала (Рис. 2).

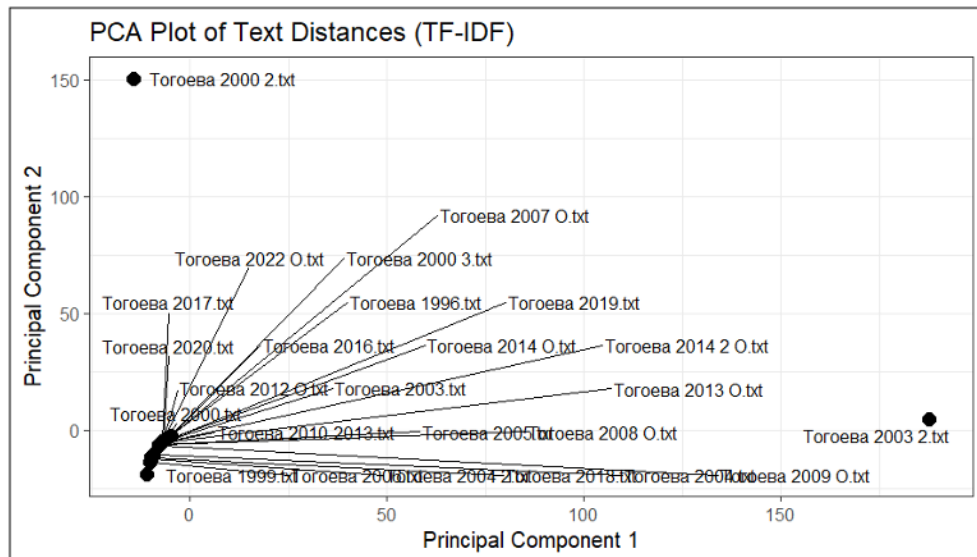

Рис. 2. Стилистический анализ статей О.И. Тогоевой из журналов «Казус» и «Одиссей» (Иллюстрация Д.И. Усовой)

Применен метод главных компонент к 15 выпускам журнала «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории». Статьи в журнале выдержаны в едином стиле, чего нельзя сказать о выпусках. Они распадаются в разных частях плоскости (Рис. 3).

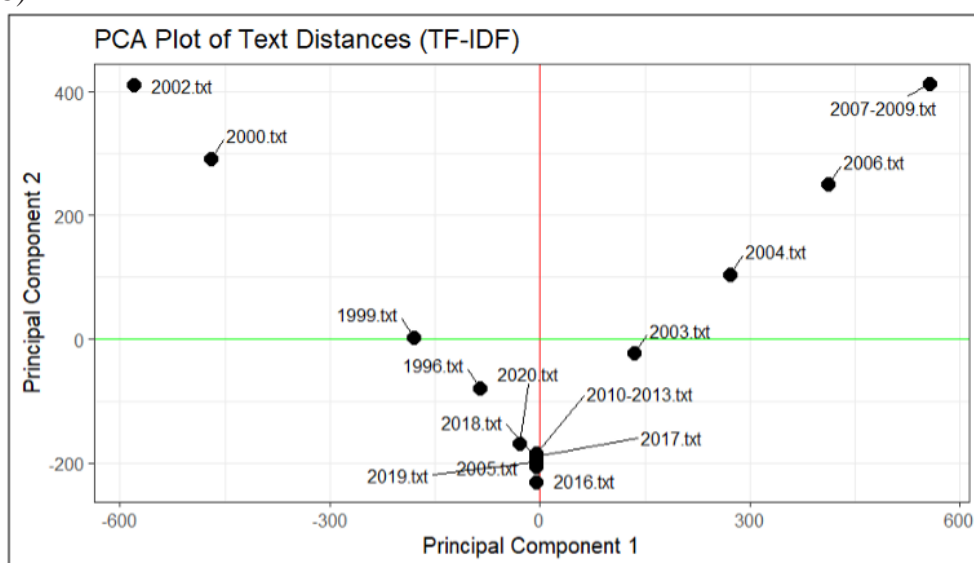

Рис. 3. Стилометрический анализ выпусков журнала «Казус» (Иллюстрация Д.И. Усовой)

Выпуски раскладываются на три группы по отношению к центру осей (Рис. 4) из-за редакторского упорядочения текстов. Редакторами первых трех выпусков⁷ были Ю.Л. Бессмертный и М.А. Бойцов. Видно близкое расположение выпусков, выделенных желтым цветом, друг к другу (Рис. 4). Журналы с 2002 по 2013 гг.⁸ выходили под редактурой М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Почти все эти статьи (обозначены зеленым цветом), располагаясь друг к другу, выстраиваются в единую линию (Рис. 4). С 2014 г. и до последнего года существования журнала – 2020⁹, редакторский состав включал И.Н. Данилевского и О.И. Тогоеву. Происходит скопление выпусков, которые обозначены красным цветом, в одной точке (Рис. 4).

⁷ Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996 / под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова. Вып. 1. М. 1997. 302 с.; Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова. Вып. 2. М. 1999. 365 с.; Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова. Вып. 3. М. 2000. 401 с.

⁸ Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова. Вып. 4. М. 2002. 368 с.; Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 5. М. 2003. 620 с.; Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2004 / под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 6. М. 2005. 448 с.; Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2005 / под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 7. М. 2005. 403 с.; Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2006 / под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 8. М. 2007. 411 с.; Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2007–2009 / под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. Вып. 9. М. 2012. 382 с.; Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2010–2013 / под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. Вып. 10. М. 2015. 287 с.

⁹ Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. Вып. 11. М. 2016. 396 с.; Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. Вып. 12. М. 2017. 336 с.; Казус. Индивидуальное и уникальное в истории 2018 / под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. Вып. 13. М. 2018. 352 с.; Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2019 / под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. Вып. 14. М. 2019. 392 с.; Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2020 / под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. Вып. 15. М. 2020. 424 с.

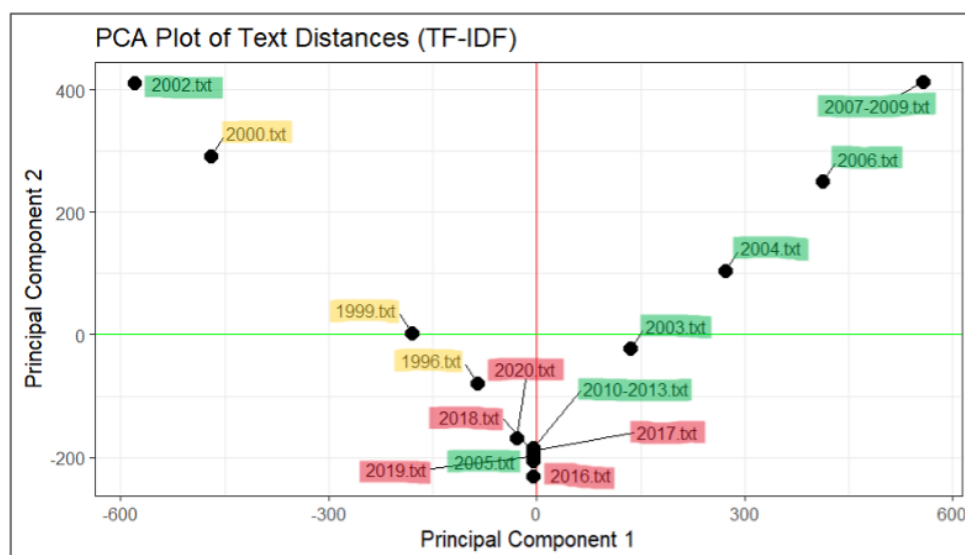

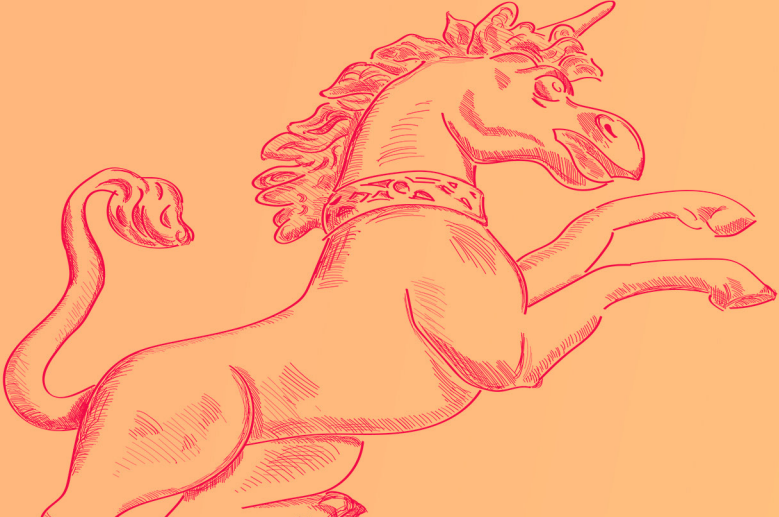
Рис. 4. Выделение групп выпусков журнала «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории» по редакторам (Иллюстрация Д.И. Усовой)

Стилометрический метод не позволяет выявить особенности статей, что косвенно оставляет проблему определения объекта стилометрией. Вместе с тем выраженный стиль редакторской работы указывает на то, что стилистические решения обусловлены редакционной политикой, а не разными подходами к объекту микроистории. Редакторский стиль, выступая «фильтром», затрудняет выявление стилистических различий, связанных с объектом микроисторических исследований. Для точного определения объекта микроистории в «Казусе» необходимы дополнительные методы анализа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Атнашев Т., Велижев М.; Тогоева О., Бессмертная О., Кошелева О., Зорин А., Олейников А., Зенкин С., Щербакова И., Дубина В., Бойцов М. Микроистория и проблема доказательства в гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 6. – С. 83–121.
2. Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. Сборник статей / К. Гинзбург; [пер. с ит. и послесл. С.Л. Козлова]. – М: «Новое издательство», 2004. – 348 с.
3. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / К. Гинзбург; [пер. с итал. М.Л. Андреева, М.Н. Архангельской]. – М: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 272 с.
4. Гренди Э. Еще раз о микроистории / Э. Гренди // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. – Вып. 1. – М.: РГГУ, 1997. – С. 291–302.
5. Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996 / под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова. – Вып. 1. – М.: РГГУ, 1997. – 302 с.
6. Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова. – Вып. 2. – М.: РГГУ, 1999. – 365 с.

7. Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова. – Вып. 3. – М.: РГГУ, 2000. – 401 с.
8. Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю.Л. Бессмертного, М.А. Бойцова. – Вып. 4. – М.: ОГИ, 2002. – 368 с.
9. Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. – Вып. 5. – М.: ОГИ, 2003. – 620 с.
10. Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2004 / под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. – Вып. 6. – М.: ОГИ, 2005. – 448 с.
11. Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2005 / под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. – Вып. 7. – М.: Наука, 2006. – 403 с.
12. Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2006 / под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. – Вып. 8. – М.: Наука, 2007. – 411 с.
13. Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2007–2009 / под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. – Вып. 9. – М.: РГГУ, 2012. – 382 с.
14. Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2010–2013 / под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. – Вып. 10. – М.: Наука, 2015. – 287 с.
15. Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2014–2016 / под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. – Вып. 11. – М.: Индрик, 2016. – 396 с.
16. Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. – Вып. 12. – М.: Индрик, 2017. – 336 с.
17. Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2018 / под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. – Вып. 13. – М.: Индрик, 2018. – 352 с.
18. Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2019 / под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. – Вып. 14. – М.: Индрик, 2019. – 392 с.
19. Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2020 / под ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского. – Вып. 15. – М.: Индрик, 2020. – 424 с.
20. *Копосов Н.Е.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук / Н.Е. Копосов. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 248 с.
21. *Eder M., Rybicki J., Kestemont M.* Stylometry with R: a package for computational text analysis // *The R Journal*. – 2016. – Vol. 8/1. – P. 107–121.
22. *Magnusson S.G., Szijarto I.M.* What is Microhistory? / S.G. Magnusson, I.M. Szijarto. – London, New York: Theory and Practice, 2013. – 192 p.

УДК 930:271.2(47)+930.253(0.032)

**МЕЖДУ ТРОНОМ И ВЕРОЙ: ДЕЛО
О ВОЗВРАЩАЮЩИХСЯ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ
РАСКОЛЬНИКАХ, АВГУСТ 1763 ГОД**

В.Д. Разумова

*Российский государственный гуманитарный
университет (РГГУ), Москва, Россия*

Аннотация. Неопределенный статус раскольников на протяжении веков, полулегальное положение и социальное непринятие вынуждали старообрядцев вести скрытный образ жизни. Минимальное количество информации, известное исследователям, делает крайне интересным процесс изучения истории старообрядчества, в которой много белых пятен. Наименее изучены процессы, протекавшие на границах с Речью Посполитой в XVIII в. Политика просвещенного абсолютизма Екатерины Великой, давала возможность изменить правовое положение старообрядцев, в первую очередь беглых, в экономических интересах страны. Однако данному решению о возможности реэмиграции раскольников из-за границы и условиях их возвращения предшествовали продолжительные дискуссии между императорским двором и Синодом. Церковь придерживалась строгих канонических традиций, однако верховная власть вынуждала идти на компромисс. Архивные поиски позволили выявить документ, в котором отражен конфликт между религиозными догматами и политической необходимостью, отражающий социальное и политическое положение старообрядцев в конце XVIII в. Содержание документа и его особенности представлены в данной статье в виде археографической публикации.

Ключевые слова: старообрядчество, старообрядец, раскольник, Речь Посполитая, Синод, религиозная политика

*Поступила в редакцию: 28 августа 2025 г.
Принята к публикации: 22 октября 2025 г.*

BETWEEN THE THRONE AND THE FAITH: THE CASE OF THE OLD BELIEVERS RETURNING FROM ABROAD, AUGUST 1763

V.D. Razumova
Russian State University for the Humanities
(RSUH), Moscow, Russia

Abstract. The uncertain status of the Old Believers over the centuries, their semi-legal status, and social rejection forced them to live in secrecy. The limited amount of information available to researchers makes it an exciting field of study, with many gaps in blanks. The processes that took place on the borders of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 18th century are particularly understudied. Catherine the Great's policy of enlightened absolutism provided an opportunity to change the legal status of the Old Believers, particularly those who had fled, in the country's economic interests. However, this decision was preceded by lengthy discussions between the imperial court and the Synod about the possibility of returning the schismatics from abroad and the conditions for their return. The Church adhered to strict canonical traditions, but the supreme authority was forced to compromise. Archival research has revealed a document that reflects the conflict between religious dogmas and political necessity, reflecting the social and political situation of the Old Believers in the end of 18th century. The content of the document and its features are presented in this article as an archaeological publication.

Keywords: Old Believers, Old Believer, schismatic, Polish-Lithuanian Commonwealth, Synod, religious policy

Received: 28 August 2025

Accepted: 22 October 2025

В данной работе используется термин «старообрядчество» – «ветвь русской православной традиции, сформировавшаяся в середине XVII в. из-за неприятия частью православного населения реформы, проведённой в Русской церкви; совокупность течений и организаций, исповедующих сохранение древнерусских дореформенных чинов и обрядов»¹. Указанный термин является ведущим в работе, используется производное от него слово «старообрядцы», а также «староверы» и «раскольники». Несмотря на тенденцию разделять оттенки этих терминов, в данной работе они используются в равном значении, поскольку не влияют на конечный результат.

¹ Старообрядчество // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия» URL: <https://bigenc.ru/c/staroobriadchestvo-c0599e> (дата обращения: 10.05.2025).

О месте старообрядчества в Российской империи в XVIII в. подробно написано в трудах Елены Михайловны Юхименко и Ирины Викторовны Починской. Так, концепция старообрядчества с культурной и бытовой точек зрения представлена в работе Е.М. Юхименко «Каргопольские «гари» 1683–1684 гг. (к проблеме самосожжений в русском старообрядчестве)»², где анализируются причины массовых самосожжений среди старообрядцев в первые десятилетия после реформы патриарха Никона. Исследование позволяет увидеть, как на практике реализовывалась государственная политика в отношении раскольников, в каких условиях формировалась старообрядческая самобытность, однако труд не затрагивает вопросы, связанные с бежавшими за границу раскольниками. Труд И.В. Починской «Старообрядческое книгопечатанье XVIII – первой четверти XIX веков»³, несмотря на обозначенную тематику, раскрывает особенности взаимодействия старообрядцев с Речью Посполитой. Эти данные позволяют сделать вывод об активной деятельности старообрядческих общин на границе, но выявить причины и последствия этого явления только предстоит.

Вопросы более узкого характера, касающиеся политической и религиозной подоплеки в вопросах, относящихся к раскольникам, в общих чертах можно проследить в работе А.Ю. Бендина «Государственно-религиозные институты Российской империи в XVIII – начале XX в.: эволюция отношений «свой–иной–чужой»⁴ и в статье А.В. Левашовой «Законодательная политика Екатерины Второй в отношении старообрядцев»⁵. Однако данные работы, посвященные эволюции отношения к староверам, диктуемой религиозными и политическими целями и задачами, разработаны лишь на уровне официальных нормативных актов, в то время как подоплека этих решений не освещена.

Первые публикации документов, посвященных истории раскола, выходят в свет еще в дореволюционной России. В 1860-х гг. выходит ряд публикаций, подготовленных Василием Ивановичем Кельсиевым⁶. Автор указывал, что публикует «сочинения, писанные чиновниками»⁷, которые были высланы в Вольную типографию из России⁸. Однако данная публикация имеет

² Юхименко Е.М. Каргопольские «гари» 1683–1684 гг. (к проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): сб. науч. тр. М. 1994. С. 64–119.

³ Починская И.В. Старообрядческое книгопечатанье XVIII – первой четверти XIX веков. Екатеринбург. 1994. С. 25.

⁴ Бендин А.Ю. Государственно-религиозные институты Российской империи в XVIII – начале XX в.: эволюция отношений «свой – иной – чужой» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 8–31.

⁵ Левашова А.В. «Законодательная политика Екатерины Второй в отношении старообрядцев» // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2009. № 1. С. 289–291.

⁶ Кельсиев Василий Иванович (1835–1872) – русский революционер, сподвижник А.И. Герцена, сотрудник Вольной русской типографии в Лондоне, историк раскола, писатель, автор этнографических очерков о старообрядцах и сектантах, а также ряда работ о зарубежном славянстве.

⁷ Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиевым. Лондон. 1860. Вып. 1. С. 28.

⁸ Соловьев К.А. Предисловия В.И. Кельсиева к «Сборнику правительственных сведений о раскольниках» и народническая историография раскола // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». 2011. № 12 (74). С. 39.

пропагандистское значение, поскольку призвана показать революционный потенциал старообрядчества, в связи с чем выглядит крайне неубедительно.

К более научной публикации относятся труды Михаила Ивановича Лилеева, посвященные истории раскола XVII–XVIII вв., выпущенные в 1893 и 1895 гг. Издаваемые материалы были выделены из документальных массивов центральных и местных архивов, рукописных собраний музеев и библиотек. Помимо самого текста документов, издания имеют научно-справочный аппарат. Сборники содержат расположенные в хронологической последовательности документы разных видов: письма, грамоты, протоколы, донесения, указы и т. п. Богатый материал позволяет рассматривать историю старообрядчества в разных ее ипостасях. Содержание сборника «Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв.»⁹ близко подводит исследователя к вопросу политики по переселению старообрядцев с заграничных территорий, правда предоставляя единственный документ по данной проблематике – указ «О переселении польских раскольников и Некрасовцев на Дон, Кубань и Терек (1763 г.)».

Труд «Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII–XVIII вв.»¹⁰, вышедший в 1895 г., уже не является археографическим сборником с публикацией документов, а представляется полноценным научным трудом, основанным на существующих исследованиях и архивных материалах, посвященных истории раскола на Ветке и в Стародубье. Исследование содержит отдельный раздел, освещающий историю правительственного управления раскольниками. Несмотря на то, что представленные материалы относятся к временам до правления Екатерины II, они позволяют выделить предпосылки становления политики в отношении раскольников за более поздний период.

Наиболее значимая в данной исторической дискуссии археографическая публикация была сделана А.И. Ивановым в 2007 г. В журнале «Отечественные архивы» был опубликован документ из Российского государственного архива древних актов под заглавием «Предложения Ивана Мелиссино императрице Екатерине II, составленные относительно раскольников»¹¹. И.И. Мелиссино, назначенный обер-прокурором Синода, участвовал в разработке религиозной политики, проводимой Екатериной II. В преддверии обсуждения вопросов о положении раскольников с представителями церкви, Иван Мелиссино летом 1763 г. представил императрице свое видение на проблемы в отношении раскольников. Соответствуя духу эпохи, обер-прокурор выдвинул максимально либеральные предложения, призванные, с одной стороны, сгладить социальные разногласия,

⁹ Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. / собраны М.И. Лилеевым. Киев. 1893. 278 с.

¹⁰ Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII–XVIII вв. / исслед. М.И. Лилеева. Киев. 1895. Вып. 1. 596 с.

¹¹ Иванов И.А. «...Не называть их больше раскольниками, а употреблять другое название...»: Предложения обер-прокурора Святейшего синода И.И. Мелиссино Екатерине II о необходимости изменения законодательства о раскольниках (1763 г.) // Архивы России. URL: <https://portal.rusarchives.ru/publication/melissino.shtml> (дата обращения: 29.10.2024).

и, с другой стороны, усилить государственный надзор за старообрядцами и вынести из этого экономическую выгоду. «Предложения» отражают происходящие в политической сфере изменения.

Религиозную составляющую, дополняющую предложения И.И. Мелиссино, можно проследить в ином документе, относящемся к фонду Российского государственного архива древних актов № 163 «Раскольничьи дела». Вводимый в научный оборот данной работой, документ является мнением архиереев православной церкви по вопросам возвращения старообрядцев, проживающих зарубежом, в Россию. Озаглавлен он как «Дело о возвращающихся из-за границы раскольниках, содержащее в себе всеподданнейший рапорт Сената и мнения Синодальных Членов, август 1763 год.». Задачей при публикации данного документа является обозначение позиции Православной Церкви относительно старообрядцев и наиболее приемлемых условий их религиозного быта при нахождении на территории Российской Империи, высказанной при разработке правительством политики в отношении раскольников.

Данный документ был создан в ходе обсуждения возможности возвращения раскольников из-за границы в Российскую Империю, которая на протяжении всего XVIII в. была заинтересована в возвращении беглых людей из других государств. Начавшаяся при Петре III политика терпимости к староверам, обозначившаяся в указе 1761 г., согласно которому раскольники, покинувшие Российскую Империю во времена гонений, могут вернуться, продолжалась на протяжении всего XVIII в.¹² При Екатерине Великой накал между официальной церковью и раскольническими течениями снижался, однако постепенно и в разных формах.

Манифестом от 1762 г. было дозволено и упрощено возвращение из-за границы раскольников¹³: им обещали полную амнистию при возвращении из беглых по религиозным соображениям, разрешили поддерживать образ с помощью необходимых атрибутов – ношения бороды и специального платья, даже давались «льготные годы», в которые вернувшиеся в Российскую Империю могли не выполнять некоторые общепринятые обязательства.

Особенно этот указ был нацелен на тех, кто бежал в Польшу. Последующие указы также были направлены на создание наиболее приемлемых условий для желающих вернуться в Россию. Военным командованиям на границах запрещалось удерживать раскольников и препятствовать им. Однако подобная политика не привела к притоку заграничных поселенцев. Уже с 1764 г. возвращение беглецов приобрело насильственный характер. Для выведения старообрядцев из Польши

¹² О сочинении особого положения для раскольников, которые, удаляясь за границу, пожелают возвратиться в Отечество, с тем, чтобы им в отправлении закона по их обыкновению и старопечатным книгам возбранения не было, 29 января 1762 г. // ПСЗРИ. Собрание Первое. СПб. 1830. Т. XV: 1758 – 28 июня 1762 гг. С. 984–985. № 11420.

¹³ Манифест «О учинении вновь переписи не записавшимся потаенным раскольникам и о положении их в оклад» от 3 марта 1764 г. // ПСЗРИ. Собрание Первое. СПб. 1830. Т. XVI: 28 июня 1762 – 1765 гг. С. 596–597. № 12067.

использовалась военная сила, что оправдывалось нежеланием польских властей выдавать основавшихся у них раскольников¹⁴.

Выработка политического курса в отношении старообрядцев неизбежно проводилась совместно с церковной властью. Члены Синода и Сената обменивались своими мнениями, порой противоречивыми, поскольку каждая сторона отстаивала свои идеологические и политические интересы. В приведенном в публикации документе церковную власть представляют Смиранный Гавриил архиепископ Санкт-Петербургский и Смиранный Амвросий архиепископ Крутицкий.

Митрополит Гавриил (Петров) являлся видным иерархом Русской православной церкви, высшим ревнителем благочестия второй половины XVIII в.¹⁵ Митрополит Гавриил с самого начала своего духовного пути проявлял чрезвычайное трудолюбие, внимательность и ответственность¹⁶, чем заслужил особое покровительство императрицы Екатерины II¹⁷. Борьба с расколом на протяжении веков оставалась одной из насущных задач, однако способы этой борьбы менялись. После Петра III, положившего начало тенденции смягчения курса по отношению к раскольникам, данная политика не поменяла своего настроения. Гавриил, несмотря на особое к нему отношение императрицы, не сочувствовал правительственному курсу, считая его ненормальным и даже опасным, поскольку у Синода, фактически, не оставалось никаких рычагов власти¹⁸. В сложившихся условиях митрополитом проводилась крайне тонкая политика. Гавриил открыто не критиковал ни указы монарха, ни взятый политический курс. Напротив, он был приверженцем либеральных веяний и активно участвовал в разработке вопросов, касающихся раскола. Вместе с тем, митрополит Гавриил позволял себе отрицательно высказываться о сложившемся положении, о негативных тенденциях, не выделяя виновным власть, но указывая на непорядочность, небрежность, недостаточную образованность как всего населения, так и отдельных чиновников. Таким образом, политика, проводимая Митрополитом Гавриилом, отражала его взгляды как яркого ревнителя благочестия, однако не вступала в прямую конфронтацию с правительственным курсом.

Сподвижником и преемником Гавриила был Смиранный Амвросий архиепископ Крутицкий. Как и свой предшественник, Амвросий проводил аккуратную политику, никак не вступающую в конфронтацию с Императорским двором. Выверенная линия, а также личностные качества позволили Амвросию снискать расположение императорской фамилии и пользоваться благосклонностью,

¹⁴ Ляпкина А.А. Формирование военных полков из раскольников, возвращенных из Польши в Россию в 1763–1764 годах // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 135.

¹⁵ Шафажинская Н.Е. Творческий диапазон русского монашества второй половины XVIII века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 3. С. 31.

¹⁶ Титлинов Б.В. Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санктпетербургский (Род. 1730 г., ум. 1801 г.): Его жизнь и деятельность, в связи с церковными делами того времени. Пг. 1916. С. 126.

¹⁷ Чивиков Г.С. Тверская семинария в годы пребывания епископа Гавриила (Петрова) на Тверской кафедре (1763–1770 гг.) // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2014. № 1. С. 85.

¹⁸ Титлинов Б.В. Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санктпетербургский (Род. 1730 г., ум. 1801 г.): Его жизнь и деятельность, в связи с церковными делами того времени. Пг. 1916. С. 124.

которая с течением времени всё возрастала¹⁹. Митрополит продолжал политику борьбы с расколом, и делал этот весьма успешно²⁰.

Представленный в данной работе документ является интересным свидетелем дебатов между политической необходимостью и духовной веротерпимостью к возвращению раскольников в Россию. Документ составлен в достаточно свободной форме, поскольку являлся не строгим отчетным документом. Мнения, представленные архиереями, носят сугубо религиозный характер, однако в заключительных положениях слышны политические нотки. Складывается однозначная позиция Синода – раскольники несут зло и раздраз во все сферы государства. Приводятся негативные примеры со ссылками на религиозную литературу и международный опыт. Однако, принимая во внимание неизбежность сосуществования с раскольниками, приводятся и условия, при соблюдении которых старообрядчество может оставаться в России.

Документ был создан в августе 1763 г. и хранился в Дрeвлехранилище, которое в 1882 г. было передано в Московский Главный архив Министерства иностранных дел (МГАМИД). После революции 1917 г. архив стал частью Центрального Государственного Архива Древних Актов СССР. В настоящее время документ хранится в Российском государственном архиве древних актов, фонд 163, опись 1, единица хранения 19²¹.

Текст источника

Документ состоит из девяти рукописных листов. Текст находится на лицевой стороне текстовых листов. Текст написан темными чернилами от руки двумя разными почерками. На каждом листе черной плотной вертикальной чертой очерчены поля посреди листа, текст размещен с небольшим заходом на поля.

В настоящее время бумажная основа загрязнена и помята, имеются заломы, незначительные надрывы по краям бумажной основы. Повреждения не мешают прочтению текста.

Текст документа в публикации передан научно-критическими приемами. Передача текста производилась с использованием современного гражданского алфавита с заменой вышедших из употребления букв современными, с сохранением стилистических особенностей текста. Окончания и части слов, вынесенные над или под строкой, выделены курсивом. Титлы раскрыты с указанием добавленных букв в круглые скобки. При воспроизведении текста была сохранена лексика, орфография, пунктуация, деление на слова, предложения и абзацы.

Подчеркивания, имевшиеся в тексте, сохранены в публикации. Разные почерки отмечены разным цветом.

¹⁹ Жмакин В. Письма высочайших особ к митрополиту Амвросию (Подобедову) // Христианское чтение. 1902. № 9. С. 368.

²⁰ Амвросий II (Подобедов), митрополит Новгородский // Новгородская епархия. Русская православная церковь Московского патриархата. URL: <https://vn-eparhia.ru/svyatiteli-novgorodskoj-zemli/152-svyatiteli-novgorodskoj-zemli-xviii-vek/965-amvrosij-ii-podobedov-mitropolit-novgorodskij?ysclid=mgt4j8nk22987490777> (дата обращения: 15.10.2025).

²¹ РГАДА. Ф. 163. Оп. 1. Д. 19.

Государственное древлехранилище

Дела тайне подлежащая.

Дела о раскольниках.

1763 года, в Августе

Дело о возвращающихся из за границы раскольниках, содержащее в себе всеподданейший рапорт Сената и мнения Синодальных Членов.

МНЕНИЕ

Ниже подписавшихся Архиереев¹ о принятии расколников, которые из бегов желают возвратиться в Россию.

Какое мы нижайшии о том с Правителствующем Сенате² на Конференции мнения, а в Синоде³ вообще имели разсуждение, тое и ныне всеподданейше представляем.

Принять их расколников в Россию, и содержать без всякаго притеснения можно, только на таком основании, как здешние записные расколники содержатся. А чтоб позволить им на все то, чего они требуют, а именно: допустить им строить церкви особья, держать попов своих, иметь старопечатныя книги, и при тех же обрядах жить, как они по ныне за рубежем живут, того дозволить предосудительно. Резоны тому следующие.

1:

От начала исправления в некоторых несогласиях против оригиналов Греческих книжнаго, произник в России Раскол и отступления от всего церковнаго общества между некими малоумными, как духовнаго, так и свецкаго чина людьми, которые начали толковать таковым же малосмысленным, что якобы уже и вера православная для того переменилась. И тем своим сумозбродным толкованием многих совратили простаков, Церквей Святых бегать, и таинствами у нас действующими со всею Святынею гнушаться. Что и действительно продолжается до селе. Смущению тому уже ныне сто и семь лет⁴. Котораго зла в прекращение, все Монархи Российския, следуя Древним Греческим благочестивым Царям, а наипаче высославный Г(о)с(у)д(а)рь Император Петр Великий^А; того им яко народным мятежникам недозволяли, но еще и потаенныя их скиты и зборища разорять, а лжеучителей их вечными ссылками и другими штрафами истреблять повелевали.

2

Вселенские и Российские Патриархи, Архиереи, и весь духовный чин, в разныя времена и на разных соборах не за маловажных суеверов, как ныне многия о них думают, но за сущих Еретиков признавали, и Анафеме не обращающихся предавали. Почему и ныне присутствующим в Синоде на их требования пристать невозможно, дабы не подпасть извержению, которое

правилом Святых Апостолов 45м^{оо}: определено тако: Епископ, презвитер, и Диакон, аще с Еретиками молится токмо будет, общения да лишится: Аще же что им клирическое действовать дозволит, да извержется⁵.

3:

Синкретисм, или допущение разных вер в Самодержавное государство, от всех умных людей за вред оному почитается, потому что ничто так не обвязует подданных к своему Государю, как единоверие с ним: во прекиже разность в вере за весьма опасную поставляется. Чего избегая многие Государя, у себе возникших разноверцов всячески истребляли и истребляют.

А где им снисходят, там не престанно, буде не в политических, то в духовных делах раздоры бывают. У расколников уже сколко толков, сколко вер, а их до сорока и более насчитать можно; да еще так замерзельх, что не толко с нами православными, но и сами между собою есть и пить с одного сосуда гнушаются. И называю нас Никонианами, Нововерцами, и Еретиками, за Благочестивых Г(осу)д(а)р(ей) не молят Б(о)га⁶, но вместо того на всех нас как на неприятелей в Молитвах своих победы просят.

4:

Ежели дозволить им церкви особья строить, и попов особых иметь, то и Архиереев особых же дозволить следует: Коим не похота об нас Святиться, начнут или беглых извергов наших принимать, или сами ставить. И так Церковь в России с превеликим благочестия упадком может раздрася на двое. Да и церковная дисциплина в безсилие, а Святыя правила во уничтожение прийдут, потому что кого мы из попов православныи Архиереи по правильным винам запретим, того они расколники прелстив и разрешив, во свое Сонмище без всякаго уже опасения приймают. От чего на православную Российскую Церковь весьма напрасный порок наведется. Ибо в народе клеветать станут, что якобы она правость их узнала, и для того на требования их склонилась. А тем и правоверных простолюдинов к своему заблуждению, прелщенных же, коих и так уже, кроме потаяенных, более трицати тысяч в России имеется, к твердейшему единомыслию удобнее приводить могут. Кая их последняя леть будет горше первья⁷!

5:

Еще в разсуждение приходит и сия: не кроется ли зде какой обман, и не подають ли поводу им заграничным наши домашнии расколники, домагаться таких Кондиций и привилегий, которые бы служить и оным могли? Ибо чтоб заграничным возвращася в Россию, нужды крайней не предвидится; для того, что они там всякую свободу имеют, и как хотят, так веруют и живут. К тому ж ни прав Государственных, ни должностей общенародных, ни рекрутских наборов не знают, а повинуются толко одним своим помещикам, которые ими партикулярно корыстуются.

6:

Правда что в Российской Империи, как инославным некоторым Христианским Религиям кирхи публичныя, так и Мугамедянскаго Зловерия⁸ придержащимся свои молбища иметь дозволяеся. Но*** то расколникам не в пример. Ибо от тех нашим православным никакого повреждения не происходит, понеже ни на Российском диалекте богомолье их *от*правляется⁹, ни в церковных обрядах с нами сходствуют; а Мугамедани как небо *от* земли, тако *от* всего Хр(и)ст(иа)нства далеки. Расколники же лстецы весьма к нам по наружности близки. Ибо *от* нас и произошли, и наших же а не чюжих совращают, потому что одних книг церковных, толко не исправных, с нами придержатся, и тоже таинства, что и мы, святотатски действуют: також посты, праздники, и прочия обряды, хотя инако, однак не иныя Содержат. Чем всем вестма легко наших поселян яко однородцев а многих и сродников своих, хвастая пред ними ложно стариною, к своему суеверию прелщают.

7:

Буде же принять их, то разве на таких кондициях: чтобы им одним толко жить в своем суеверии без притеснения, а других никого не прелщать, и Сekt Морельщичьих¹⁰, Самосжигательских¹¹, и Детоубийственных, також Христовщины¹², из коих первыя три на истребление рода человеческого, а четвертыя на посрамление всего Хр(и)ст(иа)нства *от* них выдуманы, неводить: желающим же брачитися, в церкви православной венчатся: и рождаемым от них Младенцам, *от* священников православных быть крещаемым, и представляемым к церкви: А перекрещивать и перевенчивать отнедь бы, за Силу Церковных узаконений и указов недерзали. Понеже вторичное крещение, есть по слову Б(о)жию второе Господа Исуса распятие: а первовенчивание, есть первобрачная Б(о)жия и Церковнаго благословения поппание.

8:

Наконец***, понеже доволно уже было им как печатных книжных наставлений, так и для любовнаго и безопаснаго разговора вызовов и увещеваний, но они тое все презрели: Того ради не одоляя более церкви таковыми их предосудительными требованиями, однак ж и не упускают высакаго интересса, лучше поступить с ними кажется политическими средствами. Ибо они не Полские, но Российские подданные, потому, что ни завоеваны, ни по договорам Г(о)с(у)д(а)рств(е)нным отошли, ниже религию их приняли, но с которою *от* нас из России бежали, тож и ныне содержат, и а объявлением многих милостивых о выходе из Зарубежа указов, укрываются по ныне как сущие беглецы и изменники, коих по заключенным трактатам, и по всенародному праву выдать а не удерживать поляки должны. А буде на то несклонятся, то законно и праведно не токмо одних расколников, но и земель тех яко излривле Российских, на коих они поселились, по силе уничтожения Прутовых пактов¹³, как помнится при последнем Турецком замиреннии учиненнаго, следует требовать.

Но*** о политических средствах пространное разсуждать не наше духовное, но премудрых Министров дело. А мы как ся скудное наше разсуждение, так и себе самым высокомонаршей ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА^Б м(и)л(о)сти и благорассмотрению всеподданейше предаем.

Смиренный Гавриил Архиепископ
Санкт Петербургский^В
Смиренный Амвросий Архиепископ
Крутицкий^Г

РГАДА, фонд 163, опись 1, единица хранения 19, русский, скоропись, оригинал

Палеографический комментарий

- * – помета грифельным карандашом в левом верхнем углу.
- ** – «м» обозначена над «45» под титлом.
- *** – в тексте написание через N.

Персоналии

А – Петр I Алексеевич (Петр Великий) — царь всея Руси с 1682 года, первый император Всероссийский с 1721 г.

Б – Екатерина II Великая – императрица Всероссийская в 1762–1796 гг.

В – Митрополит Гавриил (в миру Пётр Петрович Петров-Шапошников; 1730–1801) – епископ Православной Российской Церкви; с 1770 г. архиепископ Санкт-Петербургский и Ревельский, с 1783 г. митрополит; с 1769 г. член Святейшего Правительствующего Синода, первенствующий член Синода с 1775 по 1800 гг. Богослов и проповедник; член Российской Академии (1783).

Г – Митрополит Амвросий (в миру Андрей Иванович Подобедов; 1742–1818) – архиерей Православной Российской церкви, митрополит Новгородский и Олонецкий. Первенствующий член Святейшего правительствующего синода.

Примечания:

- 1 – Лицо, облеченное высшим чином церковной иерархии.
- 2 – высший орган государственной власти и законодательства, подчинённый императору. Сенат осуществлял всю полноту власти в стране в отсутствие государя и координировал работу других государственных учреждений.
- 3 – руководящий или совещательный коллегиальный орган поместных православных и других церквей.
- 4 – Официально раскол можно отсчитывать с 1667 г., когда старообрядцев решено было отлучить от церкви, однако сами реформы происходили с 1650-х гг.
- 5 – Правило 45 Святых Апостолов: «Епископ, или пресвитер, или диакон, с еретиками молившийся токмо, да будет отлучен. Аще же позволит им действовать что либо, яко служителям церкви: да будет извержен».

6 – Некоторые течения раскольников, например, филипповцы, отрицают молитвы о государях по идеологическим соображениям, поскольку власть олицетворяет для них антихриста.

7 – Евангелие от Матфея, Глава 27, стих 64: «... и будет последняя лесть горша первья», то есть последний обман хуже первого.

8 – наименование ислама, мусульманской веры в Российской Империи.

9 – как правило, мусульмане призывают к молитве на арабском языке.

10 – раскольническое течение «морильщики», последователи которого добровольно шли на голодную смерть, веря, что тем самым обретут духовное спасение.

11 – раскольническое течение, последователи которого верили в очищение души через самоожжение.

12 – течение, которое приписывают раскольникам, но сами старообрядцы не принимают последователей христовщины за раскольников, считая их сектой, поскольку они не разделяют мировоззрения старообрядцев, считая, что уже наступило второе пришествие Христа.

13 – Прутский мирный договор 1711 г. между Россией и Турцией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Амвросий II (Подобедов), митрополит Новгородский [Электронный ресурс] // Новгородская епархия. Русская православная церковь Московского патриархата. URL: <https://vn-eparhia.ru/svyatiteli-novgorodskoj-zemli/152-svyatiteli-novgorodskoj-zemli-xviii-vek/965-amvrosij-ii-podobedov-mitropolit-novgorodskij?ysclid=mgt4j8nk22987490777> (дата обращения: 15.10.2025).

2. Бендин А.Ю. Государственно-религиозные институты Российской империи в XVIII – начале XX в.: эволюция отношений «свой – иной – чужой» / А.Ю. Бендин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2021. – Т. 20. – № 1. – С. 8–31.

3. Жмакин В. Письма высочайших особ к митрополиту Амвросию (Подобедову) / В. Жмакин // Христианское чтение. – 1902. – № 9. – С. 368–391.

4. Иванов И.А. «... Не называть их больше раскольниками, а употреблять другое название...»: Предложения обер-прокурора Святейшего синода И.И. Мелиссино Екатерине II о необходимости изменения законодательства о раскольниках (1763 г.) [Электронный ресурс] // Архивы России. URL: <https://portal.rusarchives.ru/publication/melissino.shtml> (дата обращения: 29.10.2024).

5. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII–XVIII вв. / исслед. М.И. Лилеева. – Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1895. – Вып. 1. – 596 с.

6. Левашова А.В. «Законодательная политика Екатерины Второй в отношении старообрядцев» / А.В. Левашова // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2009. – № 1. – С. 289–291.

7. Ляпкина А.А. Формирование военных полков из раскольников, возвращённых из Польши в Россию в 1763–1764 годах / А.А. Ляпкина // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 401. – С. 134–138.

8. Манифест «О учинении вновь переписи не записавшимся потаенным раскольникам и о положении их в оклад» от 3 марта 1764 г. // ПСЗРИ. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XVI: 28 июня 1762 – 1765 гг. – С. 596–597. – № 12067.

9. Старообрядчество [Электронный ресурс] // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». URL: <https://bigenc.ru/c/staroobriadchestvo-c0599e> (дата обращения: 10.05.2025).

10. Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. / собрания М.И. Лилеевым. – Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1893. – 278 с.

11. О сочинении особого положения для раскольников, которые, удаляясь за границу, пожелают возвратиться в Отечество, с тем, чтобы им в отправлении закона по их обыкновению и старопечатным книгам возбранения не было, 29 января 1762 г. // ПСЗРИ. Собрание Первое. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XV: 1758–28 июня 1762 гг. – С. 984–985. – № 11420.

12. Починская И.В. Старообрядческое книгопечатанье XVIII – первой четверти XIX веков / И.В. Починская. – Екатеринбург: УРО РАН, 1994. – 182 с.

13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 163 (Раскольничьи дела). Оп. 1. Д. 19.

14. Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиевым. – Лондон: Trübner & Co, 1860. – Вып. 1. – 223 с.

15. Соловьев К.А. Предисловия В.И. Кельсиева к «Сборнику правительственных сведений о раскольниках» и народническая историография раскола / К.А. Соловьев // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований». – 2011. – №12 (74). – С. 38–48.

16. Титлинов Б.В. Гавриил Петров, митрополит Новгородский и Санктпетербургский (Род. 1730 г., ум. 1801 г.): Его жизнь и деятельность, в связи с церковными делами того времени / Б.В. Титлинов. – Пг.: тип. М. Меркушева, 1916. – 1197 с.

17. Чивиков Г.С. Тверская семинария в годы пребывания епископа Гавриила (Петрова) на Тверской кафедре (1763–1770 гг.) / Г.С. Чивиков // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. – 2014. – №1. – С. 84–92.

18. Шафаражинская Н.Е. Творческий диапазон русского монашества второй половины XVIII века / Н.Е. Шафаражинская // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2008. – № 3. – С. 30–34.

19. Юхименко Е.М. Каргопольские «гари» 1683–1684 гг. (к проблеме самосожжений в русском старообрядчестве) // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): сборник научных трудов / под ред. Е.М. Юхименко. – М.: Археографический центр, 1994. – С. 64–119.

Сведения об авторах

Акимцев Дмитрий Анатольевич, аспирант историко-филологического факультета Педагогического института им. В.Г. Белинского Пензенского государственного университета, г. Пенза; dmitrij.akimcev@bk.ru

Галенкин Роман Максимович, магистрант Института международных отношений и общественно-политических наук Российско-Армянского (Славянского) университета, г. Ереван, Армения; galenkinr@yandex.ru

Грецкий Савва Романович, студент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва; greckys22@sch57.ru

Красноперов Владимир Александрович, магистрант факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; krasnoperovvladimir1234@gmail.com

Разумова Варвара Дмитриевна, магистрантка факультета архивоведения и документоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва; warwararazumova@yandex.ru

Усова Дарина Игоревна, студентка факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского гуманитарного университета, г. Томск; darina.usova.2004@mail.ru

General data about the authors

Akimcev Dmitriy A., PhD student of the Faculty of History and Philology of V.G. Belinskiy's Institute of Teacher Education of the Penza State University, Penza; dmitrij.akimcev@bk.ru

Galenkin Roman M., master's student of the Institute of International Relations and Socio-Political Science of the Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia; galenkinr@yandex.ru

Grecky Savva R., student of Faculty of History of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow; greckys22@sch57.ru

Krasnoperov Vladimir A., master's student of Faculty of Archival Science and Records Management of the Institute of History and Archives of the Russian State University for the Humanities, Moscow; krasnoperovvladimir1234@gmail.com

Razumova Varvara D., master's student of Faculty of Archival Science and Records Management of the Institute of History and Archives of the Russian State University for the Humanities, Moscow; warwararazumova@yandex.ru

Usova Darina I., student of Faculty of History and Political Studies of National Research Tomsk State University, Tomsk; darina.usova.2004@mail.ru

Дизайн

М.Ю. Борисов, В.И. Рыбакова

Верстка и коррекция

С.Я. Нисенбаум

Научная редакция

*Ф.А. Белов, А.Г. Мирзоян,
В.Д. Разумова, М.А. Родионова*

